

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий ж., 7. Телефоны: { Редакции 2-80-42.
Конторы 3-18-42.

Подписная цена на год . . . . . 11 р. 50 к.
„ „ полгода . . . . . 6 р. — к.
Для „судработников“ при условии подписки на год . . . 8 р. 50 к.
„ „ „ „ при подписке на полгода . . . . . 4 р. 80 к.

№ 5

7 февраля 1926 года.

№ 5

Основные поправки к Проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Обсуждение Проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке широко развернулось по всей Республике. Происходит много собраний рабочих и рабочих, много ведомственных совещаний, публичных докладов и диспутов. Поступает в редакции различных газет, в ВЦИК, в Наркомюст немало частных писем, посвященных тому же вопросу, не говоря уже о статьях и заметках в общей и специальной печати. Обсуждение развернулось достаточно широко, чтобы можно было бы уже попытаться сделать на основании этих материалов некоторые выводы.

Если на первых порах вокруг проекта, разработанного Наркомюстом и одобренного в свое время Совнаркомом, было создано большое количество всякого рода легенд о том, что проект отменяет брак, как правовой институт, что проект упичтожает регистрацию, что проект содействует развитию многобрачия и пр. в том же роде, то сейчас начинает выясняться совершенно иной, действительно деловой подход как к содержанию проекта, так и к тем поправкам, которые, по мнению многих, необходимо в него внести для того, чтобы он не давал повода ни к каким недоразумениям. В этой именно плоскости мы и хотели бы в настоящей статье указать кое-какие проектируемые поправки и наше отношение к ним.

Основной упрек, который делался нашему Проекту и с которым нельзя было не считаться, заключался в том, что, давая правовую защиту браку, когда он в установленном законом порядке не зарегистрирован, мы ни одного слова в самом Проекте не сказали о том, что представляет из себя брак, который, на наш взгляд, должен влечь за

собою определенные юридические последствия, даже если требуемые законом формальности регистрации не были выполнены.

Мы говорим в проекте о фактических брачных отношениях, никак их не определяя.

Конечно, чудовищно нелепо из текста проекта выводить заключение, что он не делает различия между фактическими брачными отношениями и случайной половой связью. Многие, если не все, прекрасно понимали, что не о случайной половой связи трактует проект, но очень многие не без оснований и настойчиво предлагают сформулировать нашу мысль так, чтобы ее никоим образом нельзя было толковать вкривь и вкось.

Это соображение безусловно заслуживает уважения.

Проект хотел сказать, что принцип общности имущества, нажитого супругами в течение брака, должен быть распространен и на имущество лиц, фактически состоящих в брачных отношениях, хотя бы и не зарегистрированных. Чтобы рассеять всякие сомнения, полезно распространение этого принципа на фактические брачные отношения строго обусловить или тем, что лица, о которых идет речь, взаимно признают друг друга супругами, или тем, что суд установил, по признакам фактической обстановки их жизни, наличие между ними фактических брачных отношений.

Больше того, правы те, которые требуют, чтобы закон указал те признаки, на основании которых суд будет выносить свое решение о признании факта брачного сожительства. Об этих критериях мы говорили еще на сессии ВЦИК, и в письмах, которые мы лично получали, нам неоднократно

указывали: «Ведь вы же на сессии пытались эти признаки установить. Вы же о них говорили. Почему же вы не указываете их в самом законе?»

Совершенно правильно. Их нужно указать, как приблизительный перечень тех доказательств брачных отношений, которыми должен руководствоваться суд. Мы думаем, что такими критериями в законе могут быть указаны: факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства, выявление супружеских отношений перед третьими лицами, в личной переписке и других документах, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и пр.

Надо, кроме того, попутно внести в проект и некоторые чисто технического свойства улучшения, которые, на наш взгляд, могут иметь значение.

В нашем проекте основной вопрос о распространении общности имущества, нажитого в течение брака, на фактические брачные отношения помещен в примечании к ст. 9. Едва ли это удобно. Вопрос этот слишком большой и слишком серьезный чтобы говорить о нем в примечании. Лучше выразить эту мысль в самостоятельной статье и в другой, тоже самостоятельной статье перечислить те обстоятельства, которые могут служить для суда доказательствами брачного сожительства.

Не мешает обратить внимание и на то, что и самая статья 9 проекта, устанавливающая принцип общности имущества, нуждается в более точной редакции. Ссылка на ст. ст. 61—65 Гражданского Кодекса в ней не совсем уместна, ибо речь здесь не идет о началах общей собственности, как ее понимает Гражданский Кодекс, а о том, что имущество, нажитое во время брака, является общим. Вместо ссылки на статьи Гр. Кодекса, лучше будет, если проект точно оговорит, что размер принадлежащей каждому супругу доли в случае спора определяется судом.

По вопросу об алиментах по прекращении брака велось за последнее время много горячих прений. Говорили о паразитизме, который на этой почве развивается. Вносили крайние предложения: совершенно упразднить алименты по прекращении брака одному супругу от другого супруга. Раздавалось и другое мнение, что отменить эти алименты как в случае нетрудоспособности, так и в случае безработицы нельзя, но необходимо ограничить содержание другого супруга после прекращения брака каким-нибудь определенным сроком.

Мы думаем, что было бы неправильно отказать нетрудоспособному или безработному супругу в каком бы то ни было содержании со стороны другого супруга даже по прекращении брака, разумеется, если судом признано, что другой супруг в состоянии эту поддержку оказывать. Нельзя допустить такого положения, чтобы скажем, муж выбросил на улицу жену, с которой он прекратил свое сожительство, хотя бы она была нетрудоспособной или временно безработной, совершенно не заботясь о том, как она будет в ближайшие же дни существовать. С другой стороны, превратить эту разведенную жену в пожизненную пенсионерку бывшего супруга смешно и дико. Отсюда рождается мысль о необходимости алименты сохранить, но установить для этого рациональный срок. Под этим углом зрения нам представляется, что прав был Отдел Работниц и Крестьянок Центрального Комитета Партии, когда требовал, чтобы право на алименты нуждающегося

и нетрудоспособного супруга оставалось в силе на срок не более года. Это ограничение необходимо ввести в закон. Что же касается безработного супруга, то в отношении его срок еще более должен быть ограничен, приблизительно на половину, но больше 6 месяцев, а размер содержания должен определяться судом, при чем этот размер не может превышать суммы соответствующего пособия соцстраха. Эти условия будут противодействовать насаждению паразитизма, а право на алименты будет сохранено в пределах действительной необходимости.

Понятно само собой, что распространение права на получение содержания как во время брака, так и по прекращении брака и на лиц, фактически состоящих в брачных отношениях, должно остаться в силе, разумеется, если эти отношения подходят под признаки, о которых мы говорили выше и которые, по нашему мнению, должны найти себе место в законе.

Очень много говорят и пишут о брачном возрасте, который устанавливается Проектом. Предлагают повысить брачный возраст. Едва ли, однако, это нужно. Брачный возраст должен быть установлен в законе рациональный с точки зрения физического сожительства и будущих поколений. Таким возрастом принято считать 16 лет для женщины и 18 лет для мужчины. Можно было бы, конечно, поднять этот возраст соответственно до 17 и 19 лет, как это некоторые предлагают; но, во-первых, едва ли здесь получится по существу разница, а во-вторых,—и что самое существенное,—не увеличится ли от этого количество фактических браков? Мы во время дискуссии видели, с каким трудом усваивается мысль о распространении на эти фактические браки некоторых юридических последствий. Мы встретили принципиальные возражения против распространения правовой защиты на эти фактические браки, и мы еще не знаем, не будет ли, в конечном счете, принята та точка зрения, которая требует обязательной регистрации и склонна предоставлять правовую защиту браку только в том случае, если он зарегистрирован. При таких условиях содействовало бы увеличению роста фактических браков, а поднятие брачного возраста, требуемого для регистрации брака, безусловно содействовало бы увеличению роста фактических браков.

Зато совершенно правильным мы считаем предложение уничтожить примечание к ст. 3 проекта, предоставляющее губернскому ЗАГС'у право разрешать вступление в брак на полгода раньше наступления брачного возраста. Эта, как говорят юристы, диспенсация,—которая в буржуазных странах предоставляется то королю, то президенту республики, то епископу, то министру юстиции (как, например, в Австрии), а у нас губЗАГС'у,—конечно, никакой критики не выдерживает и должна быть отменена. Закон устанавливает для регистрации брака возраст в 16 и 18 лет и ставит на этом месте точку.

Кстати, поскольку мы заговорили об обязательности регистрации, надо сказать, что наш Проект нигде не говорит об обязательности регистрации, но он целиком построен на мысли, что регистрация брака является правилом, а фактические браки исключениями, но что мы не пьем прага эти исключения игнорировать. Поскольку раздаются голоса в пользу того, чтобы и эта мысль была яснее и точнее выражена в Проекте, нам представляется, что

никаких принципиальных возражений против этого привести нельзя. Почему не сказать, что «брак оформляется регистрацией в органах записей актов гражданского состояния»? Можно это сказать и нужно сказать. Равным образом, можно и нужно сказать, что «регистрация брака в органах ЗАГС является бесспорным доказательством наличия брака до опровержения по суду». Тогда будет совершенно ясно, что регистрация, как правило, сохраняется, и будет не менее ясно, какое значение регистрация имеет.

Весь контекст Проекта составлен именно в этом духе, и доказательствам служат как объяснительная записка к Проекту, так и речи в его защиту на сессии ВЦИК. Но поскольку текст вызывает все-таки сомнения, надо, чтобы он был отредактирован именно так, чтобы он не давал никаких поводов к кривотолкам.

Крестьяне поднимают вопрос о взыскании алиментов на содержание ребенка с члена крестьянского двора, когда его личных средств недостаточно для обеспечения ребенка. На сессии ВЦИК правильно говорили на ту тему, что «каждый воробей сам по себе—птица», но этим безусловно правильным принципом вопрос, однако, не разрешается, как не разрешается он и ныне действующей статьей 71 Земельного Кодекса, которая гласит, что «имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных членов двора, сделанные ими для своих личных надобностей». С одной стороны, необходимо считаться с опасениями разорения крестьянского двора, если он будет отвечать за «трех» отдельных своих членов, но, с другой, поскольку речь идет о невыделенном члене крестьянского двора, поскольку он материально не в состоянии содержать ребенка, постольку решение, выносимое судом в отношении его, оставалось бы пустым звуком.

Интересно в связи с этим отметить, что еще в июле 1923 года Наркомюст и Наркомзем вынуждены были выпустить совместно циркуляр о применении статьи 71 Зем. Кодекса, в котором писали:

«При взысканиях средств на содержание детей с члена крестьянского двора в тех случаях, когда личных средств родителей недостаточно для обеспечения ребенка, дети, происходящие от родителей — трудовых землепользователей, как состоящих, так и не состоящих между собою в зарегистрированном браке, при наличии раздельной жизни этих родителей имеют право на получение содержания из имущества трудовых хозяйств дворов того или другого родителя; размер этого содержания определяется судом в зависимости от материального положения этих хозяйств».

Этот циркуляр в высокой степени соответствует жизни и совершенно правильно разрешает трудную проблему. Нужно воспользоваться случаем, чтобы мысль этого циркуляра закрепить в законе, сказав, в виде новой добавочной статьи к главе 2 раздела II нашего Проекта, приблизительно так:

«При взыскании средств на содержание ребенка с члена крестьянского двора, когда его личных средств недостаточно для обеспечения ребенка, последний имеет право на получение содержания из имущества крестьянского двора. Размер содержания определяется судом в соответствии с материальным положением крестьянского хозяйства в целом и доли участия в этом хозяйстве ответчика».

Полезно будет при новом редактировании Проекта сделать специальную оговорку о том, что взаимные права супругов в отношении имущества крестьянского двора определяются ст. ст. 66 и 67 Земельного Кодекса и изданными в развитие и дополнение их узаконениями, точно так же как оговорку и о том, что соответствующими статьями Земельного Кодекса определяются права родителей и детей в отношении имущества крестьянского двора.

Таковы основные поправки, которые, на наш взгляд, должны быть внесены в обсуждаемый Проект.

Я. Бранденбургский.

Конфискация общая по суду.

(К предстоящему пересмотру ст. 25 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик»).

Общая конфискация имущества, называемая так в отличие от специальной — отобрания отдельных вещей, орудий или плодов преступления, или предметов, вообще изъятых из обладания частных лиц — была отменена во Франции революционным законом 1790 г. и к половине XIX в. на Западе сошла постепенно на-нет. В условиях буржуазного строя законодатель ее браковал, как меру, «идущую в разрез с основными началами права собственности, колеблющую доверие к прочности и неприкосновенности имущественных прав»¹⁾. Отрицательное отношение к общей конфискации проявлялось настолько резко, что отказ от применения ее в будущем, случалось, заносился на страницы буржуазных конституций. Принципиальное осуждение этой меры не мешало, однако, тем же правительствам в случае нужды широко использовать ее в целях экономического ослабления политических врагов.

В России конфискация удержалась дольше, чем на Западе. После двукратной отмены (в 1787 и 1802 г.г.) конфискация была введена вновь рядом указов и постановлениями свода законов и уложения о наказаниях по преступлениям политическим. В царстве Польском конфискация, обязательно назначаемая за важнейшие государственные преступления, была отменена указами 1862 и 1867 г.г. и повсеместно в 1904 г. С этого года перестал действовать закон (255 ст. уложения о наказаниях), разрешавший правительству «перед началом войны или при внутренних смутениях» вводить особым постановлением конфискацию за участие в бунте или заговоре против верховной власти или в государственной измене.

В последнее время на Западе наблюдается явление, которое в известной мере компенсирует отмену конфискации: растут налагаемые уголовными судами штрафы. Германский уголовный кодекс 1871 г. еще не знал штрафов выше 6.000 марок. Норвежский 1902 г. — выше 10.000 марок, но итальянский

¹⁾ Представление мин. юст. в гос. сов. в 1871 г. по проекту изменения лестницы наказаний (Таганцев, Лекции, т. IV, стр. 1649).

проект Ферри 1921 г. допускает штрафы в 100 000 лир, а германский проект 1925 года признает допустимыми в особо указанных случаях штрафы в неограниченном размере.

В РСФСР общая конфискация первоначально вошла в жизнь не как уголовное наказание, а как одна из мер борьбы революционного пролетариата с его классовым противником. Первые годы после Октябрьской революции эта мера применялась, как и все другие, «без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно». «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» от 12 декабря 1919 г., упомянув в ст. 25, как о «примерном виде наказания», о «конфискации всего или части имущества», еще не содержали никаких правил, которые бы регулировали практику применения этой меры, и только со вступлением в эпоху НЭП^а и провозглашения закона революционной законности мы встречаемся с законодательными мерами, направленными ко введению судебной и административной практики конфискаций в рамки закона. В последующие годы направление это растет и крепнет, и история конфискации становится историей ее ограничения.

Первым крупным шагом в этом направлении был декрет СНК от 17 октября 1921 года («С. У.» ст. 564), признавший, что отныне «никакое имущество не может быть конфисковано иначе, как в порядке, предусмотренном настоящим декретом».

Определив конфискацию как «бесвозмездное принудительное отчуждение государством имущества», декрет 17 октября делит ее по признаку порядка применения на судебную (наказание) и административную. Право конфискации в административном порядке ограничено «случаями, указанными в сем декрете», в определенных границах предоставлено таможенным учреждениям и органам НКП и Т и вообще признано в отношении особо перечисленных предметов, изъятых из частного оборота: оружия, взрывчатых веществ и пр. Конфискация как служебная, так и административная подлежала ограничению, выраженному в примечании к ст. 5 декрета: «владельцу конфискуемого имущества и членам его семьи органы власти обязаны оставить предметы домашнего обихода, орудия мелкого или кустарного производства, если они служат средством к существованию и не являются предметами эксплуатации труда, а также продукты питания, необходимые для личного потребления осужденного и его семьи на срок не менее шести месяцев».

Уголовный Кодекс 1922 г., удержав конфискацию—полную или частную—в числе наказаний, дополнил в сравнении с декретом 17 октября 1921 года неотчуждаемый минимум: в состав последнего был включен также инвентарь сельскохозяйственного производства и всякой вообще профессиональной работы осужденного, кроме случая, когда осужденный лишился по суду права заниматься соответствующей профессией.

К концу 1925 года Уголовный Кодекс РСФСР заключал в себе до 200 статей с судебной санкцией. В санкциях 55 статей упоминается об общей конфискации (28%). Эти санкции распределяются по делам: контр-революционных преступлений: 10 из числа 16; против порядка управления—15 из 44, должностных—2 из 15, против отделения церкви от государства—2 из 7, хозяйственных 13 из 25, против личности—1 из 40, имущественных—4 из 23, воинских—8 из 17. Кроме того, суду предоставлено право

(ст. 30 У. К.) присоединять общую конфискацию к любому из наказаний за любое из преступлений.

«Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 31 октября 1924 г. ограничились в отношении конфискации тем, что дали общее описание имущества, не подлежащего конфискации. Определение оставляемого осужденному количества инвентаря, необходимого для профессиональной работы, предметов питания и денег «Основные начала» предоставили законодательствам союзных республик.

В таком положении находился вопрос о конфискации, когда 20 мая 1925 года состоялось постановление III Съезда Советов Союза ССР («С. З.» 1925 г. № 35, ст. 247, IV, 2) поручить Президиуму ЦИК Союза ССР «выработать и издать постановление об ограничении конфискации имущества по суду». По контексту статьи (сопоставлению 2-ой части ее с 1-ой), ограничение конфискации следовало понимать в смысле ограничения ее «как в городах, так и в селениях только определенными размерами и случаями, устанавливаемыми в законодательном порядке».

Поручение издать постановление об ограничении конфискации имущества по суду, данное Съездом Президиуму Союзного ЦИК, было равносильно поручению пересмотра в целях уточнения ст. 25 «Основных начал».

Но еще прежде, чем союзные законодательные органы успели приступить к выполнению этого задания, вопрос о конфискации был разработан в требуемом направлении Коллегией НКЮ РСФСР в связи с пересмотром Уголовного Кодекса в целом. Статья проекта Уголовного Кодекса (40-я) о конфискации была без изменений принята СНК РСФСР и без существенных изменений 24 октября 1925 г. 2-ю сессией ВЦИК XII созыва.

Эта статья уточнила, во-первых, понятие конфискуемого имущества, потребовала, чтобы имущество лично принадлежало осужденному или составляло его долю в общей собственности. Как ни элементарна эта оговорка, она была далеко не лишняя: практика дает примеры, когда наряду с имуществом осужденного, конфисковывалось и такое, которое осужденному не принадлежало, но находилось в жилище осужденного или входило в состав оборудования торгового или промышленного предприятия, общего с осужденным.

Второе, что обращает на себя внимание в тексте ст. 40 проекта У. К.,—удержание старого определения частичной конфискации в смысле отчуждения точно определенного судом имущества осужденного, а не определенной судом части имущества, как редактирована ст. 25 «Основных начал». Практика показала отрицательные стороны этой формы приговоров о конфискации («конфисковать половину, две трети имущества» и т. п.). Соблазнительная по легкости назначения конфискации, эта форма позволяет суду не входить в ближайшее суждение по вопросам о том, насколько имущество осужденного значительно, из чего оно складывается, какое имеет хозяйственное назначение, что может быть взято из имущества с наименьшим ущербом для него в целом и проч. Названная форма приговора вызывает, кроме того, немалые затруднения и открывает возможность произвола и злоупотреблений в стадии приведения приговора в исполнение.

Переходя к определению свободного от конфискации минимума имущества, ст. 40 проекта У. К. существенно уточнила то общее определение этого минимума, которое давала старая 38 статья У. К. изд. 1922 г. Согласно ст. 40 «оставляемые в распоряжении осужденного и членов его семьи предметы питания и денежные суммы не могут по своей оценке в общей сложности быть ниже среднего трехмесячного заработка рабочего данной местности на каждого члена семьи».

К достоинствам определения надо отнести уравнительность устанавливаемого мерила. Ст. 40 принимает во внимание различия в составе имущества, те случаи, когда одна статья (продукты питания) восполняет недостаточность другой (денег) и обратно, количество членов семьи, под которыми, разумеется, следует понимать исключительно иждивенцев осужденного, местность проживания осужденного, в виду зависимости исчисления заработных плат от поясных тарифов. Мерилем заработка ст. 40 избирает средний заработок рабочего данной местности¹⁾.

В отношении срока обеспечения минимум предметов питания, бронируемый от конфискации, в сравнении с прежним понижен вдвое. Ст. 38 У. К. изд. 1922 г. оставляла осужденному предметов питания, необходимых для личного потребления его и семьи, на срок не менее шести месяцев; ст. 40 проекта оставляет ему средства существования общим счетом на срок не менее трех месяцев. Но отсюда следует также, что осужденным, у которых запасов питания мало или нет совсем, а есть наличные деньги, ст. 40 проекта дает более, чем старая 38, так как прежде деньги при конфискации всего имущества подлежали сполна отчуждению. Следует думать, что указания статьи 40 проекта на запасы питания и денежные суммы носят характер примерных, что основная мысль закона — не установить исчерпывающий перечень источников обеспечения, а указать размер последнего. Если бы у осужденного не нашлось ни запасов питания, ни денег, но оказались какие-либо иные ценности или имущество в долгах, ему все равно надлежало бы по реализации выделить сумму не менее, как равную трехмесячному заработку.

В обратном смысле решается вопрос о минимуме при частичной конфискации. В этом случае, если бы в имущество, назначенное к конфискации, вошли предметы питания и деньги, то согласно предписанию закона осужденному, во всяком случае, надо было бы оставить предметов питания и денег на сумму, не меньше трехмесячного заработка, сколько бы ни стоило имущество, не затронутое конфискацией.

Кроме предметов питания и денег, оставляемых осужденному и семье его с целью обеспечения их на время принскания первого заработка, ст. 40 проекта У. К. бронирует и другие виды имущества: «необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством су-

ществования орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельско-хозяйственного производства». Эти вещи оставляются не на прожиток, а для того, чтобы обеспечить осужденному самую возможность оседлой и трудовой жизни, предупредить бездомность скитания и вынужденную праздность. С различием цели меняется здесь и мерило. Рыночная стоимость вещей не принимается во внимание. Количество и род оставляемых предметов определяются их назначением и способностью удовлетворять ему.

Предметов домашнего обихода должно быть оставлено столько и таких, что без них осужденному и семье его по условиям быта нельзя было бы обойтись. Разумеется, мерило относительное. Расшифровать значение его можно, лишь исходя от требований определенного уровня культуры. Повидимому, здесь по аналогии должно применяться то же мерило, которым ст. 40 пользуется, устанавливая неотчуждаемый минимум денежных средств и предметов питания: осужденному и семье его должны быть оставлены предметы домашнего обихода, составляющие нормальное оборудование жилищ рабочего среднего заработка для данной местности. Закон, конфискуя имущество, вовсе не ставит себе задачей ввергнуть осужденного в условия безысходной нужды или нищеты: это не вязалось бы с видами правильно понятой уголовной политики. Конфискация направлена против лиц, для которых обладание крупным достатком служит или средством к совершению преступлений, или жизненной опорой для преступной деятельности вообще, или, наконец, прямым следствием последней. Отнимая у осужденного этот достаток, полная конфискация стремится поставить его в условия среднего пролетарского существования. Итти далее этой цели, ставить в худшие условия, значило бы нарушить правило ст. 8 проекта, согласно которому применяемые меры не могут иметь целью причинение физического страдания и не ставят себе задач возмездия и кары.

Той же политики держится ст. 40 и в отношении орудий производства. Для освобождения от конфискации, проект довольствуется их производственной квалификацией, требует, чтобы орудия относились к мелкому производству, перечисляет самые производства, называя кустарное, ремесленное и сельско-хозяйственное, и устанавливает правило: оставлять осужденному такие орудия и в таком числе, чтобы производство давало ему и семье его средства к существованию, но не к накоплению и не к эксплуатации.

Отдельно от орудий производства, о которых говорится во 2 части ст. 40, последняя часть той же статьи (4-я) освобождает от конфискации «необходимый для профессиональной работы осужденного инвентарь». В каком отношении этот инвентарь состоит к орудиям производства? Не может быть сомнения, что инвентарь — понятие более широкое. Под понятие инвентаря профессиональной работы могут быть подводимы предметы как относящиеся, так и не относящиеся к производству. Непроизводственным, напр., является инвентарь интеллектуальной работы: музыкальный инструмент композитора или музыканта-педагога, краски и палитра художника, резец и заготовленный мрамор и все необходимое оборудование мастерской скульптора, подобранные по соответствующей специальности библиотечка — подручный аппарат научного исследователя,

¹⁾ Необходимо отличать фактический средний заработок (ст. 68 Код. зак. о труде и примечание к ней) от нормативного понятия среднего заработка, определяемого независимо от платы, которую рабочий получал фактически. Мерило фактического среднего заработка было бы явным не применимо в отношении осужденного нетрудищегося (напр. торговцев).

Какое значение в тексте ст. 40 имеет упоминание об инвентаре профессиональной работы после сказанного об орудиях производства? Сделано ли это с намерением увеличить массу бронируемых от конфискации предметов? Конечно. Ст. 40 проекта была составлена во исполнение директивы III Съезда Советов и уже по одному этому не могла быть направлена к расширению области применения конфискации по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Старая 38 статья У. К. изд. 1922 г., перечисляя предметы, освобождаемые от конфискации, определенно говорила об инвентаре, необходимым для профессиональной работы осужденного, наряду с инвентарем мелкого производства, соединяя наименования их через союз «или». Очевидно, что в ином соотношении, как восполнения одного другим, эти понятия не стоят и теперь в тексте ст. 40 проекта.

Инвентарь, необходимый для профессиональной работы, может быть конфискован судом лишь в случае лишения осужденного права заниматься данной профессией. Какими соображениями должен руководствоваться суд, производя или нет предоставляемую ему, как право, но не вменяемую в обязанность, конфискацию инвентаря? Надо полагать, двумя соображениями: 1) длительностью срока за-

прещения заниматься данной профессией; если срок краток, отобрание инвентаря могло бы затруднить возвращение осужденного к соответствующему труду; 2) основательностью опасения, что при оставлении инвентаря в распоряжении осужденного явилось бы невозможным контролировать соблюдение им наложенного воспрещения.

Во всяком случае, суду необходимо помнить, что оставление инвентаря есть правило, а отобрание—исключение, которое, как таковое, должно быть взвешено и обосновано.

Общую конфискацию имущества сохранили в составе санкций 39 статей особенной части проекта У. К. (вместо прежних 55), но главное сокращение области применения этой меры следует видеть не столько в уменьшении числа санкционируемых ею статей, сколько в подчинении ее правилу ст. 23 проекта: «конфискация имущества в качестве дополнительной меры может быть назначаемая судом лишь в случаях, статьями настоящего Кодекса особо оговоренных», тогда как по У. К. изд. 1922 г. назначение ее судом возможно за любое преступление (ст. 50).

С. Мокринский.

(Окончание в следующем №).

Направление дел в дисциплинарные суды.

Положение дела с дисциплинарной ответственностью должностных лиц, как уже неоднократно указывалось на страницах «Еженедельника Советской Юстиции» (статьи А. Иодковского — 1923 г., № 47, и 1925 г., № 26, статья Ф. Кайкова в № 40—1925 г.), у нас не совсем благополучно.

Между тем, начиная с издания в июле 1923 г. новой редакции ст. 105 Уг. Кодекса, у нас намечается определенная тенденция к расширению преследования должностных лиц в дисциплинарном порядке взамен уголовной ответственности их. Эта тенденция продолжается. Как можно видеть из объяснительной записки к проекту новой редакции Угол. Кодекса («Е. С. Ю.» № 38—39), дисциплинарное взыскание устанавливается при незначительности причиненного ущерба и за бесхозяйственность, основанную на неосторожном и небрежном отношении к порученному делу лиц, стоящих во главе не только государственных (как ныне по ст. 128 Уг. Код.), но и общественных и кооперативных предприятий. Вопрос об организации дела привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц нуждается в скорейшем разрешении.

Единственным, достаточно оформленным порядком привлечения к ответственности в дисциплинарном порядке является у нас порядок, установленный положением о дисциплинарных судах («С. У.» 1923 г. № 54, ст. 531).

Но два с половиной года существования законодательства о дисциплинарных судах выявили ряд пробелов. Писавшие на эту тему (см. указанные статьи А. Иодковского) указывали на необходимость дополнения действующего законода-

тельства в смысле расширения круга лиц, персонально подсудных губернским дисциплинарным судам, и учреждения уездных дисциплинарных судов.

Мы считаем необходимым обратить внимание на другие недостатки действующего законодательства, без устранения которых предлагаемые изменения едва ли достигнут цели.

Тов. Иодковским было высказано опасение о «серьезной угрозе перегрузки губ. дисциплинарных судов». Приводимые ниже данные позволяют, кажется, думать, что о таких опасениях пока еще рано говорить. Если в таком дисциплинарном суде, как Ленинградский, число дел не превышает одного десятка в год, то скорее приходится говорить о мероприятиях к поднятию деятельности диссудов.

При нынешнем количестве дел может возникнуть и уже возникает среди их практических работников вопрос о том, целесообразно ли самое их существование.

Но усилению деятельности диссудов чрезвычайно мешает существующий порядок направления дел в них.

Действующее положение о дисциплинарных судах строго различает право направления дел в диссуды от права внесения представлений в распорядительные заседания Верховных и губсудов о направлении дел в диссуды.

I. Правом направления дел в дисциплинарный суд обладают:

а) учреждения и лица, коим предоставляется право наложения дисциплинарных взысканий по декрету ВЦИК от 27 января 1921 г., если, по их

мнению, направление дела в дисциплинарный суд более соответствует серьезности допущенного должностного упущения или проступка, и

б) распорядительные заседания Верховного и губернских судов в случае, если они признают, что привлеченные к суду лица (подлежащие, по признаку персональной подсудности, действию положений о дисциплинарных судах) не подлежат наказанию в уголовном порядке.

II. Правом внесения представлений и в распорядительные заседания Верховного и губернских судов о направлении дел в указанном выше порядке обладают при соблюдении известных формальностей, о которых будет речь ниже, прокурорский надзор и рабоче-крестьянская инспекция.

Если принять во внимание, что распорядительные заседания Верховного и губернских судов (пункт «б» ст. 5 положения о дисциплинарных судах) по природе своей не являются органами, самостоятельно возбуждающими дела, то единственным, в сущности, органом, с точки зрения действующего закона, имеющим право непосредственно возбуждать дела в дисциплинарных судах, является у нас начальство провинившихся, подлежащих привлечению к дисциплинарной ответственности лиц.

Что и этот орган по самой своей природе является недостаточным для возбуждения дисциплинарных дел, кажется нам, не требует излишних доказательств. Если речь идет о провинившемся более или менее ценном работнике учреждения, то нужно прямо сказать, что в громадном большинстве случаев начальство допустило бы в деловом отношении непоправимую ошибку, грозящую потерей нужного работника, если бы оно не ограничилось мерами смягченного дисциплинарного воздействия «своими средствами» (на что закон—пункт «а» ст. 5 положения о диссудах—ему дает, как мы видели, полное право), а передало дело в дисциплинарный суд.

Законодатель, очевидно, сознавая недостаточность этого источника для направления дел в диссуды, признал необходимым дать возможность возбуждения дел в дисциплинарном суде, помимо начальства, и нашим контрольным и надзирающим органам, а именно прокуратуре и РКИ.

Конечно, эти органы более, чем какие-нибудь иные, могли бы оказаться вполне пригодными для возбуждения дел в дисциплинарном суде.

Но вот чему нас учит практика.

Из всех дел, рассмотренных Ленинградским губернским дисциплинарным судом за два года его работы (а всего таких дел было 12), ни одно дело не возникло по инициативе РКИ или прокуратуры, в порядке, предусмотренном примечаниями к ст. 5 положения о диссудах.

Если прокуратура и возбуждает дисциплинарные дела, то делает это путем непосредственного обращения в губисполком для наложения дисциплинарного взыскания. Из ГИК'а же дело передается в диссуд. Зато практика этого суда знает иные, неизвестные действующему закону, источники направления дел в диссуды, как, например, кассационное отделение губсуда (по отмене приговора по уголовному делу) и особенно важный, с на-

шей точки зрения, и весьма жизненный источник, как профсоюзы. У нас есть основание думать, что и в практике главного дисциплинарного суда профсоюзы являются нередким источником для возникновения дисциплинарных дел.

В чем тут причина? Почему наши надзирающие органы, столь активные по возбуждению дел в уголовном порядке, проявляют такое «бездействие» по возбуждению дел в дисциплинарных судах? Думается, что здесь сказывается влияние действующей системы внесения дел в диссуды органами РКИ и прокуратуры.

Эта система, повторяем, характеризуется следующими чертами:

1. РКИ и прокуратура не имеют права непосредственного направления дел в дисциплинарный суд (ст. 5 положения).

2. РКИ и прокуратура имеют право лишь вносить в распорядительные заседания Верховного и губернских судов представления о направлении в дисциплинарный суд дел, подлежащих, по их мнению, передаче туда, и от распорядительного заседания зависит дальнейшее направление дела в дисциплинарный суд (примечание 1 к ст. 5 положения о диссудах и пункт «б» этой статьи).

3. РКИ и прокуратура обязаны одновременно с представлением о направлении дела в дисциплинарный суд в указанном выше порядке приложить отзыв соответствующего ведомства (примечание 2 к ст. 5 положения).

Думается, что изложенный выше порядок, теоретически вполне выдержанный, мало целесообразен практически и связан с большой волокитой.

Что путь этот длинный, окольный и потому волокитный, едва ли требует доказательств.

Порядок этот нецелесообразен по следующим соображениям:

I. Посредствующая между РКИ и прокуратурой и дисциплинарным судом инстанция, в лице распорядительных заседаний Верх. и губ. судов, является по существу излишней, так как функция распорядительного заседания определяется, очевидно, двумя моментами:

а) Распорядительное заседание (Верхсуда и губсудов) должно установить, подходят ли лица, указанные в представлениях РКИ и прокуратуры, под категории, указанные в ст. 3 положения о диссудах, что с одинаковым успехом может быть сделано и самим диссудом, если бы дело в него поступало непосредственно от РКИ или прокуратуры; список таких лиц достаточно ограничен и полностью перечислен в законе.

б) Распорядительное заседание должно признать, что привлеченные к суду лица не подлежат наказанию в уголовном порядке.

Роль распорядительного заседания сводится здесь к отысканию и установлению чисто отрицательного признака («не подлежат наказанию в уголовном порядке»), что само по себе весьма затруднительно (а с точки зрения чисто логических построений и совершенно невозможно) и сугубо затруднительно в пределах тех действий, которые предписываются нашим Уголовно-Процессуальным

Кодексом для распорядительных заседаний судов (ст.ст. 236 и 390 У. П. К.).

Не было ли бы гораздо более целесообразным передать рассмотрение и этого вопроса самому дисциплинарному суду, куда дела вносились бы непосредственно РКИ и прокуратурой? Дисциплинарный суд в случае установления данных, свидетельствующих об уголовном, а не дисциплинарном характере деяний (соответствующие указания о разграничении этих деяний теперь даны уголовной кассационной коллегией Верховного Суда РСФСР), мог бы передать дело с соответствующей мотивировкой в Верх. или губ. суды.

Дисциплинарный суд, разбирая дело по существу, гораздо легче мог бы отыскать при этом уже не отрицательный только признак (как теперь распорядительное заседание Верх. и губ. судов), но положительный, а именно наличие данных для суждения об уголовно-наказуемых действиях, и вынести соответствующее постановление о направлении дела в общесудебном порядке. Добавим, что именно такой порядок приходится применять диссудам и теперь по делам, поступившим к ним не через распорядительные заседания Верховного и губсудов.

II. Требование о приложении одновременно с представлением о направлении дела в дисциплинарный суд отзыва соответствующего ведомства вызывает еще более серьезные сомнения и недоумения.

Каков смысл представления такого отзыва?

Очевидно, согласование вопроса о предании дисциплинарному суду с соответствующим ведомством. Не могло ли бы, однако, такое согласование быть достигнуто в некоторых случаях менее волокитным путем, чем приложение письменного (само собой разумеется) отзыва данного ведомства, а хотя бы путем заслушания, — если дисциплинарному суду потребуется, — ответственного представителя ведомства в самом суде?

Далее возникает вопрос о том, что произойдет, если согласование с ведомством не будет достигнуто, т.е. если ведомство даст отрицательный отзыв по вопросу о предании дисциплинарному суду своего должностного лица. Какое значение нужно придавать такому отрицательному отзыву?

Здесь мы сталкиваемся с принципиальным вопросом о возможности в нашем законодательстве хотя бы отдаленного намека на «административную гарантию». Так как допущение возможности у нас этого наследия царского режима, т.е. необходимости согласия начальства на предание суду должностных лиц (хотя бы и дисциплинарному суду), должно быть категорически отвергнуто, то приходишь к единственному выходу, что такой отрицательный отзыв соответствующего ведомства никакого значения ни для дисциплинарного, ни для распорядительного заседания Верховного и губернских судов иметь не может.

Таким образом, необходимо прийти к выводу, что категорическое требование закона о приложении отзыва соответствующего ведомства при направлении дела в дисциплинарный суд, предусмотренное 2 примечанием к ст. 5 положения о дисциплинарных судах, или может быть получено более простым путем, или излишне, и самое наличие этого требования в нашем законе может возбудить совершенно не соответствующее ни духу, ни букве нашего уголовного законодательства (ст. 91 Уг. Проз. Кодекса) представление о свойственных будто бы положению о дисциплинарных судах пережитках «административной гарантии».

Нам кажется поэтому, что в целях поднятия работы дисциплинарных судов необходимо возбудить, между прочим, и вопрос о пересмотре порядка направления дел в дисциплинарные суды органами РКИ и прокурорского надзора. При этом представлялось бы целесообразным изменить действующее положение о дисциплинарных судах в следующем направлении:

1. Оба примечания к ст. 5 положения о дисциплинарных судах исключить вовсе.

2. Текст ст. 5 изменить в том смысле, чтобы предоставить органам рабоче-крестьянской инспекции (Наркомату и его областным и губернским органам) и прокурорскому надзору право непосредственного направления дел в дисциплинарный суд.

Без разрешения вопросов, связанных с направлением дел в диссуды, предложенные проекты реорганизации дисциплинарных судов кажутся нам обреченными на неудачу.

С. Виленский.

г. Ленинград,

Нужны коррективы.

***

Ст. 52 Исправительно-Трудового Кодекса имеет глубоко-принципиальное значение, предоставляя право распределительной комиссии поощрять «проявление заключенными из среды трудящихся особо продуктивного труда и приобретение ими профессиональных знаний и трудовых навыков, свидетельствующих о происшедшем приспособлении к условиям трудового общежития», путем зачета 2 дней рабочих за 3 дня срока лишения свободы.

Но, видимо, возможностей к поощрению именно особо продуктивного труда у нас оказалось меньше, чем желания, и в результате последовал циркуляр Центральной распредкомиссии, вменяющий в обязанность зачитывать 2 дня за 3 при выполнении заключенным любого труда, независимо от его продуктивности и от возможности приобрести профессиональные знания, т.е. даже и тогда, когда труд этот заключается в удовлетворении хозяйственных нужд места лишения свободы, причем не сделаны даже ограничения для заключенных, принадлежащих к нетрудовому элементу.

Здесь уже получился значительный перегиб, на практике нередко искажающий нашу исправительно-трудовую политику. Не секрет, что, за отсутствием материальной возможности обмундировать всех заключенных, не пользуются работой именно те, кому не в чем на эту работу выйти, т.е. те, кого за решетку закинула нужда, и та же нужда лишает возможности не только засвидетельствовать свое приспособление к условиям трудового общежития, как этого требует 52 ст. И. Т. К., и получить соответствующее поощрение, но и пройти необходимый для этого путь трудового перевоспитания.

С другой стороны, зачет 2 дней за 3 дня всех видов труда без учета к тому же социального положения создает ряд ненормальностей. Растратчик, степень социальной опасности которого в данный момент так велика, что вызывает естественное стремление суда стабилизировать назначенный ему срок лишения свободы, отказавшись для этой цели от всяких «но, принимая во внимание», в действительности получает возможность отбывать только две трети положенного ему срока: его используют на культурно-просветительной работе (это наиболее высокая в культурном отношении категория заключенных), в результате которой он по смыслу циркуляра ЦРК имеет право на зачет 2 дней за 3. А кому же не ясно, что заниматься устройством концертов, спектаклей и т. п. видов культурной работы (вернее, культурного отдыха) гораздо приятней и веселее, чем сидеть в камере. Прибавим к этому неизбежные посещения города (купить парики, приобрести пьесы, составить библиотечку), — и картина станет ясной. Свидетельствует ли эта «работа» о приучении заключенного к трудовым навыкам? Отнюдь нет. Получает ли заключенный растратчик на этой работе, к которой он привлечен для того, чтобы поделиться своими культурными навыками с остальными заключенными, какое-либо исправительно-трудовое перевоспитание, в котором он, разумеется, ну-

ждается? Конечно, нет. Отсюда совершенно ясна недопустимость зачета 2 дней за 3 по отношению к данному виду труда, тем более, что, во-первых, учесть количественное содержание и качественную плотность этого труда совершенно не представляется возможным, а во-вторых, этот «труд» не нуждается в поощрении: слишком он и так заманчив.

То же и с работой заключенных (преимущественно должностных преступников, главным образом, растратчиков) в канцеляриях исправительно-трудовых учреждений, сводящейся по существу, вместо лишения свободы, к принудительным работам «по специальности», вследствие целого ряда условий, связанных с особенностями канцелярской работы, значительно облегчающими установленный для мест лишения свободы режим.

Не менее важно поставить рогатки при зачете 2 дней за 3 также и по отношению к нетрудовому элементу, занятому на хозяйственных работах.

В одном из губернских изоляторов некий сотрудник культа (в весьма почтенном сане), осужденный по 119 ст. У. К. (тоже «по специальности»), долго и настойчиво упрашивал администрацию изолятора разрешить ему подметать двор, мотивируя свою просьбу, разумеется, скукой и желанием «подышать свежим воздухом». Наконец, ему было это разрешено, но когда этот заключенный узнал, что время, в течение которого он «дышал свежим воздухом», засчитывается ему 2 дня за 3... он не поверил, пока его в этом не убедили.

Введение норм, ограничивающих практику таких «поощрительных» приемов, в значительной мере выравнивать ту политическую линию, которая должна проводиться в исправительно-трудовой политике.

С. Березнер.

г. Ярославль.

***

Труд является основным воспитательным средством в наших местах заключения. Помимо цели обучить профессии, доставить возможность заработка по выходе из мест заключения, труд является лучшим средством в борьбе с лодырями, тунеядцами, людьми, не желающими трудиться и неспособными к труду.

Исправительно-Трудовой Кодекс установил обязательность труда для способных к нему заключенных, в то же время предоставив возможность лишенному свободы сократить срок назначенного ему наказания.

Зачет рабочих дней широко практикуется в местах заключения. Он является одним из лучших побудительных стимулов к исправлению преступника. Однако, хорошие меры тогда оказывают воздействие, когда их правильно применяют.

Применение правила, установленного ст. 52 И.Т.К., уже имеет за собой ряд ненормальностей. Прежде всего, зачет рабочих дней приписывает механический характер. В ряде случаев зачитывается всякая работа без исключений («благо, человек работал»). Этим создается совершенно неправильное впечатление об обязательности зачета работы

у заключенных, при чем наиболее «выдающаяся» публика определенно заявляет свои права.

Закон прямо указывает, что зачет рабочих дней возможен при наличии нижеследующих обстоятельств: 1) особо продуктивного труда, 2) приобретения профессиональных знаний и трудовых навыков, — при чем и это все имеет значение лишь тогда, когда такие обстоятельства свидетельствуют об исправлении преступника, приспособлении его к условиям общежития. Цель этого института ясна: ускорить возвращение в общество тех лиц, которые не могут быть вредными членами общежития, достаточно зарекомендовали себя.

Отсюда вывод: особенно осторожно производить зачет рабочих дней профессионалам, рецидивистам. Только полнейшая уверенность, что они приспособятся к общежитию, со стороны наблюдательной и распределительной комиссий дает основные к применению зачета. Без наличия этого качества, хотя бы и при продуктивной работе, зачет невозможен. Механизация зачета должна быть изжита.

Попутно встает вопрос, допустимо ли изменение пропорции, установленной в законе для зачета рабочих дней. Установлено соотношение 2 : 3 (два рабочих за 3 дня срока). Практика распределительных комиссий знает другое соотношение 3 : 4 и даже 4 : 5. Противоречит ли такой зачет закону? Ст. 52 И.-Т. К. прямо устанавливает 2 за 3. Смысл зачета — поощрение заключенных к дальнейшему исправлению. Поэтому, хотя никаких указаний И.-Т. К. и не содержит, однако, следует признать такую практику не противоречащей цели, которую поставил себе закон. Индивидуализация зачета еще больше принесет пользы, чем зачет с узаконенным арифметическим соотношением. Было бы большей бедой отказывать в зачете категории заключенных, проявляющих трудолюбие, но отстающих от примерных. Было бы желательно знать мнение по этому вопросу работников центра.

Наконец, еще чрезвычайно важный недостаток в системе зачета. Зачет рабочих дней в срок лишения свободы или принудительных работ производится постановлением распределительной комиссии (ст. 16, п. 6, И.-Т. К.). Никаким другим органам закон этого права не предоставляет.

Распределительные существуют только при губернских инспекциях мест заключения (ст. 13 И.-Т. К.). Места заключения отстоят от распределительных комиссий на довольно порядочном расстоянии. Средства, пути сообщения делают связь мест заключения с этими комиссиями медленной, что отзывается на работе. При залежи дел переписки мест заключения с распределительной задерживается, в среднем, до месяца.

Ни УПК, ни И.-Т. К. не указывают, что зачет рабочих дней к лицам, имеющим краткие сроки лишения свободы (или принудработ), не может быть применен. Существующий порядок делает практически невозможным такой зачет.

Возьмем для примера случай. Гр-н приговорен к лишению свободы сроком до 3 месяцев. Пока «гуляет» ходатайство наблюдательной комиссии о зачете рабочих дней, гр-н срок отбывает и освобождается за отбытием срока наказания. Если же зачет и придет, то он с зачетом отбывает (отбыл) наказание сверх установленного судебным приговором срока.

Такое положение в дальнейшем продолжаться не может. Вопрос необходимо урегулировать в законодательном порядке. Наблюдательным комиссиям нужно предоставить право непосредственного зачета рабочих дней в счет наказания тем лишенным свободы и принудработникам, которые имеют краткие сроки (хотя бы до 3 месяцев). Наблюдательные комиссии — достаточно авторитетный орган, знают заключенных и такое их право принесет делу одну пользу.

Нам представляется еще выход из создавшегося положения. Целесообразно ли вообще производить зачет лицам, имеющим краткие сроки наказания? Назначенные 3 — 6 месяцев лишения свободы скорее действуют на преступника предупреждающие, и лица, имеющие такие сроки, безусловно не могут быть полностью подвергнуты исправительно-трудовому воздействию. В этих случаях едва ли требуется поощрение, столь необходимое при больших сроках наказания. Нам мыслится, что гораздо целесообразнее производить зачет рабочих дней только лицам, имеющим срок свыше года.

Если статья на эту точку зрения, никакого изменения в законодательном порядке не требуется, — достаточно разъяснения Центральной распределительной комиссии.

Тот или иной выход должен быть теперь же найден.

Ан. Васильев.

Гор. Тихвин Череповецкой губ.

Трудовые коллективы и трудовые артели.

Наше трудовое законодательство за последнее время отводит особенное внимание вопросам, связанным с организацией трудовых коллективов и трудовых артелей.

Как видно из самого названия, и коллективы и артели объединены одним общим признаком «трудовые», однако, между этими понятиями имеется громадная разница.

Эта разница наблюдается как в самом зарождении того и другого вида трудового объединения, так и в структуре обоих объединений, в правах отдельных членов, в ликвидации их и т. п.

В настоящей статье мы постараемся проследить как моменты расхождения, так и моменты сходства этих объединений.

Инициатива в организации трудовых коллективов всецело находится в руках органов НКТ. В целях оказания трудовой помощи безработным, в силу постановления ВЦИК'а РСФСР от 22 декабря 1924 г. («Известия НКТ» № 2—1925 г.) комитетам бирж труда, по соглашению с соответствующими профессиональными союзами, предоставлено право организовывать производственные и торговые предприятия,

а также трудовые коллективы из безработных, зарегистрированных в посреднических органах НКТ.

По инструкции, изданной НКТ РСФСР от 26 сентября 1925 г. («Известия НКТ» № 40 — 1925 г.), комитетам бирж труда разрешается организовывать: производственные предприятия (мастерские), торговые предприятия (магазины, лавки, киоски и т. п.), трудовые коллективы (грузчиков, разносчиков, посыльных и проч.), при чем при разрешении вопроса об открытии того или иного предприятия или коллектива комитетами бирж труда должны быть приняты во внимание: а) состояние рынка трудовой или иной профессии в данной местности, б) состояние народного хозяйства в той или иной отрасли промышленности или торговли и в) экономическая целесообразность организации предприятия или коллектива.

Предпочтительно должны быть организованы такие предприятия и коллективы, которые могут занять возможно большее количество безработных. Личный состав коллективов комплектуется исключительно из числа зарегистрированных на бирже труда безработных по признакам наибольшей нужды, преимущественно из тех, кто получает пособие по безработице, если они, конечно, по своей профессии и квалификации соответствуют той работе, на которую посылаются. Таким образом, зарождение трудовых коллективов находится полностью в зависимости от органов НКТ, преследующих при организации коллективов ударную задачу ликвидации безработицы.

Что касается трудовых артелей, то организация их всецело предоставлена инициативе самих трудящихся. Согласно постановления ВЦИК'а РСФСР от 15 декабря 1924 г. («Известия НКТ» № 6 — 1925 г.) трудовыми артелями являются объединения лиц для совместной организации и предоставления в наем их физического или интеллектуального труда, при чем число лиц, объединяемых трудовой артелью, не может быть менее 7 человек. Но для того, чтобы трудовые артели не выродились и не превратились в чисто предпринимательскую организацию, опирающуюся на наемный труд, закон требует при организации и действии трудовых артелей соблюдения определенных условий. К числу неумолимых требований относятся следующие: членами трудовой артели не могут быть лица, эксплуатирующие наемный труд с целью извлечения прибыли и имеющие нетрудовые доходы («Известия НКТ» № 27 — 1925 г.); работы, как общее правило, должны выполняться из материалов нанимателя, и лишь при выполнении работ подрядным способом трудовые артели имеют право предоставлять работодателям свои материалы на сумму не свыше 5.000 руб.; артели могут быть организованы лишь по определенному производственному признаку и принимать на себя исполнение работ исключительно по своей основной специальности. Основное же требование положения о трудовых артелях заключается в том, что принятые на себя трудовой артелью работы должны выполняться личным трудом самих членов артели. Наемный труд допускается только для таких работ по обслуживанию артели, которые не могут быть исполняемы самими

членами (канцелярские работы и т. п.), и при этом артель имеет право приглашать на службу посторонних лиц с тем, чтобы общее число их не превышало десяти процентов всего состава членов артели. Это требование представляется сугубо важным, так как трудовые артели, в отношении которых судом будет установлено применение наемного труда в скрытой форме или в обход закона, помимо уголовной ответственности, могут быть и совершенно ликвидированы.

Трудовые артели хотя и возникают по инициативе самих трудящихся, однако, получают свое юридическое оформление только путем особой регистрации, процедура которой сводится к тому, что устав артели должен быть сначала рассмотрен в местном губотделе труда, который дает заключение о допустимости регистрации устава. При разрешении этого вопроса губотдел руководствуется как формальными соображениями соответствия устава артели существующим узаконениям, так и сведениями о состоянии рынка труда в данной местности. Самое рассмотрение устава происходит в регистрационной комиссии при губсовнархозах, в которую губотдел труда делегирует своего представителя с правом решающего голоса.

И если представитель НКТ заявляет отвод, то регистрационная комиссия устава не регистрирует, а направляет все дело на рассмотрение президиума губисполкома, где оно и решается окончательно при обязательном участии на совещании представителей: губотдела труда, профсовета и совнархоза.

Таким образом, в то время как организация трудовых коллективов является всецело делом органов НКТ, трудовые артели основаны на принципе самовозникновения, с тем, однако, что органам НКТ предоставлено законом право отвода и возражения против возникновения той или иной артели.

Возникает вопрос, что представляют из себя с точки зрения юридической трудовые коллективы и трудовые артели?

Что касается предприятий и коллективов, организуемых биржей труда, то таковые, если они состоят в ведении одного комитета биржи труда, составляют одно объединение, возглавляемое правлением, назначаемым комитетом биржи труда по согласованию с губпрофсоветом.

Положение об этом объединении должно быть зарегистрировано в соответствующем губотделе труда, после чего подобное объединение приобретает права юридического лица. Однако, каждое отдельное предприятие или коллектив, входящее в объединение, само по себе правом юридического лица не пользуется (прим. к ст. 29 инструкции — «Известия НКТ» № 40). Исключение допускается лишь для тех случаев, когда в городах имеется лишь одно предприятие или один коллектив, организованный комитетом биржи труда.

Эти предприятия или коллективы, по регистрации их положения в губотделе труда, пользуются также правами юридического лица.

Пределы право- и дееспособности этих объединений и коллективов не указаны в положении. Инструкция лишь говорит о том, что эти объединения и коллективы получают согласно действующих узаконений право приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, выдавать обязатель-

ства и отвечать на суде. Но само собой очевидно, что эта правоспособность тесно связана с тем, чем являюсь, которая положена в основание деятельности объединений коллективов, и которая всецело находится в зависимости от директив органов НКТ.

Обращаясь к трудовым артелям, мы наблюдаем, что таковые согласно ст. 6 положения от 15 декабря 1924 г. после их регистрации приобретают права юридического лица. Но это юридическое лицо имеет строго ограниченную уставную право- и дееспособность. Иначе говоря, артель вправе совершать лишь сделки, имеющие прямое отношение к той цели, которую должна по уставу она преследовать. В частности, касаясь права артели принимать участие в торгах поискательству работ, положение особенно подчеркивает, что артели в этих случаях могут предпринимать только такие действия, которые предусмотрены положением об артелях и уставом последних. Все эти указания целесообразны и вполне необходимы, так как иначе артели могут совершенно выродиться и предаться деятельности, не предусмотренной уставом, что сможет свести на нет все значение трудовой кооперации, принципы которой вложены в организацию трудовых артелей.

Также отличается принципиальной и характерной разницей право участия трудящихся в коллективах и в артелях.

Основной задачей деятельности коллективов является всемерное сокращение безработицы, и поэтому собственно о праве членства в коллективах не может быть и речи. Комплектуя личный состав организуемых предприятий и коллективов исключительно из числа зарегистрированных на биржах труда безработных по признакам наибольшей их нуждаемости, положение о коллективах устанавливает, что по постановлению комитета биржи труда состав лиц, обслуживающих предприятия и коллективы, должен периодически меняться. Ст. 7 инструкции от 26 сентября 1925 вводит, как правило, следующий срок пребывания безработных в предприятиях и коллективах: для производственных—6 мес., для торговых и трудколлективов—3 мес. Впрочем, указанные сроки комитет биржи труда может изменять в зависимости от состояния рынка труда и целесообразности, с тем, однако, чтобы основной кадр безработных, работающих без ограничения в сроке, не превышал 20% общего числа занятых в данном коллективе безработных.

Целесообразность этой нормы представляется вполне понятной. И действительно, хотя задачей организации трудовых коллективов и является стремление по возможности использовать наибольшее количество безработных, однако, всякий коллектив представляет известную хозяйственную единицу, интересы которой легко могут нарушаться быстрой сменой работающих в нем лиц, мало заинтересованных в дальнейшей судьбе дела. Поэтому в циркулярном письме НКТ РСФСР от 3 июля 1925 г. («Известия НКТ», № 31—1925) хотя и признается одним из основных принципов, характеризующих коллективы,—принцип сменяемости личного состава коллектива,—однако, наравне с этим выдвигается в письме и другой принцип, диктуемый жизнью: сохранение в коллективах в интересах развития их

производительности и качестве постоянного основного кадра небольшой группы наиболее квалифицированных рабочих. И так как последние силовы и рядом служат весьма продолжительное время, то в этом циркулярном письме было признано, что безработные, проработавшие в предприятиях и коллективах непрерывно не менее 11½ мес., приобретают права на двухнедельный отпуск с выдачей содержания вперед за время отпуска.

Таким образом, в виде общего правила необходимо признать, что трудовые коллективы характеризуются принципом сменяемости личного состава, и потому ни о каком праве членства тут не может быть и речи.

Обращаясь к трудовым артелям, мы видим совершенно обратное.

Как выше упоминалось, организация трудовых артелей опирается на принцип самовозникновения. Это само собой предопределяет основное право участников артели: право на членство. Согласно § 9 нормального устава прием новых членов артели производится общим собранием. До принятия в члены общее собрание может установить предварительные испытания в течение сроков, указанных в 38 ст. Код. зак. о труде. Лица, принятые на испытание, считаются кандидатами, и рассматриваются как лица наемного труда.

Право на членство не ограничено никаким определенным сроком. Предельным сроком считается смерть члена артели. Однако, каждый член артели может по своему желанию как выйти из артели, так и вновь вступить в нее. Для последнего требуется новое принятие общим собранием. Кроме этого, выбытие из артели может иметь место и помимо желания или воли члена артели. Так, по постановлению общего собрания, могут быть исключены из артели члены, не исполняющие своих обязанностей по отношению к артели или действующие во вред ей.

Эта разница в структуре коллективов и артелей влечет за собою и то последствие, что в то время как в трудовых коллективах нет ни права на членство, ни соединенного с последним права принимать участие во всех делах коллектива и его управлении, права же участников коллективов, как лиц наемного труда, предусмотрены лишь тарифным соглашением, заключенным правлением объединения и соответствующим профсоюзом, в артелях право членства влечет за собою и особые права и обязанности членов артели. К основным отличительным правам члена артели относятся: право принимать участие во всех делах артели, включая и общие собрания, право подачи всякого рода заявлений по делам артели в правление, ревизионную комиссию и общее собрание и т. д.

К числу же отличительных обязанностей относится: внесение при вступлении в артель безвозвратного вступительного взноса, который не может превышать трех руб., и, если это установлено в уставе, оплата пая суммой, не превышающей десяти рублей.

Особенно рельефной представляется разница между коллективом и артелью в вопросе о вознаграждении за труд. Хотя § 48 инструкции от 26 сентября 1925 г. и говорит о том, что размер оплаты труда работающих в предприятии и коллективах находится в зависимости от хозяйственного и финансо-

вого состояния последних, однако, как выше было упомянуто, этот размер определяется тарифным соглашением, т. е. для каждого участника устанавливается та или иная тарифная ставка. При таком положении вещей вполне понятно, что получаемая от эксплуатации предприятий и работы коллективов чистая прибыль, согласно § 7 положения от 22 декабря 1924 г., поступает в распоряжение комитетов бирж труда и обращается «исключительно на расширение трудовой помощи безработным».

Совсем другой принцип действует в трудовых артелях. Хотя в примечании к § 33 нормального устава и сказано, что при работе по трудовому договору оценка труда членов артели и выплата им вознаграждения могут производиться на имуществе, т. е., иначе говоря, по правилам Код. законов о труде, однако, как общий принцип, норм. устав устанавливает совершенно иное правило, говорящее о том, что порядок расчета с членами артели, а также расценка применительно к их квалификации и количеству выполненных работ их труда, отпускаемых им инструментов и материалов устанавливается общим собранием. Что же касается чистой прибыли, то таковая, за отчислением определенных процентов в оборотный, запасный и вспомогательный капитал, обращается, по усмотрению общего собрания, на образование каких-либо специальных капиталов, на общественные для членов артели учреждения или же может быть выдана в качестве «дополнительного заработка члена пропорционально участию каждого из них в работах артели».

Эта разница в вопросе об оплате труда членов коллективов и членов артели ясно свидетельствует о том, что в то время, как член коллектива является типичным трудящимся, продающим свой труд за предусмотренное тарифной ставкой вознаграждение, — член артели совершенно в разрез с этим представляется участником хозяйственного дела, и потому, очевидно, и получает за свой труд вознаграждение, совершенно не связанное с тарифными ставками.

Эта предпринимательская окраска трудовых артелей особенно ясно видна в вопросе об ответственности за долги дела.

Согласно § 9 положения от 22 декабря 1924 г. участники коллектива никакой материальной ответственности по обязательствам коллектива не несут. Объединения же предприятий и коллективов отвечают исключительно принадлежащим им имуществом. Средства предприятий и коллективов, по инструкции от 26 сентября 1925 г., составляются из сумм, выручаемых от эксплуатации предприятий и работ коллективов, из субсидий общегосударственных и местных, из средств, предназначенных на выдачу пособий безработным, занятым в предприятиях и коллективах, и из прочих поступлений.

По обязательствам каждого отдельного коллектива или предприятия объединение в первую очередь отвечает имуществом соответствующего коллектива или предприятия, а затем имуществом всех остальных, входящих в состав объединения предприятий и коллективов.

Положение о трудовых артелях от 15 декабря 1924 г. и нормальный устав разрешают те же

самые вопросы совершенно иначе. Признавая, что артель по своим обязательствам отвечает всем своим имуществом, эти законоположения, кроме того, устанавливают и принцип дополнительной персональной ответственности членов артели в отношении обязательств, принятых на себя артелью в порядке договора подряда. По этим обязательствам личная ответственность членов артели может доходить до пятикратного размера пая каждого члена. Исключение сделано лишь для обязательств, принятых на себя артелью в порядке трудового договора. В последнем случае члены артели никакой дополнительной ответственности не несут.

Указанная дополнительная ответственность возлагается на членов артели по решению общего собрания в тех случаях, когда наблюдается недостаток доходов артели на покрытие всех расходов. Не затрагивая капиталов артели, общее собрание вправе разверстать недостающую сумму между всеми членами в пределах вышеуказанной их ответственности пропорционально участию каждого из них в работах артели или на других основаниях, по усмотрению общего собрания. При неуплате правление взыскивает причитающуюся с каждого члена долю судебным порядком. Эта раскладка годовых убытков не прекращает и не уменьшает дополнительной ответственности членов по обязательствам артели при ее ликвидации.

Точно также отличаются от коллективов и средства артели, т. к. последние состояются из вступительных взносов, паев, отчислений из сумм, поступающих за работу артели, средств, получаемых по договору займа от кредитных учреждений и частных лиц, а также в порядке государственного кредитования.

Коллективы и артели в отношении управления и ведения дела также сильно разнятся.

По инструкции от 26 сентября 1925 г. организуемые комитетом биржи труда предприятия и коллективы являются предприятиями государственными. Высшим органом по управлению всеми предприятиями и коллективами своего района являются комитеты бирж труда, на которые законом возлагается организация предприятий и коллективов, назначение и смена состава правления объединения или единоличного управляющего, утверждение уполномоченных предприятий и коллективов, установление порядка сменяемости работающих, утверждение штатов, вынесение постановлений о передаче хозорганам окрепших предприятий и коллективов и т. д.

Для управления же объединением предприятий и коллективов комитет биржи труда, по согласованию с соответствующим губпрофсоветом, назначает из трех лиц правление или единоличного управляющего, которые за свои противозаконные действия отвечают как должностные лица. На обязанности правления или управляющего лежит непосредственное заведывание всеми делами объединения, заключение договоров, выдача всякого рода обязательств, представительство по делам объединения и отдельных коллективов во всех судебных и прочих государственных органах и т. д. Кроме того, и каждое предприятие или коллектив имеет своего особого уполномоченного, одной из главных задач которого является наблюдение за пра-

вильным выполнением работ и внутренним порядком в данном предприятии или коллективе.

Таким образом, вся структура заведывания и управления тут назначенская. Оно и вполне понятно, т. к. собственно предпринимателем тут является как бы само государство, в лице органов НКТ, члены же коллектива—просто трудящиеся в самом обычном и прямом смысле этого слова, на которых распространяется Кодекс законов о труде, правда, не всегда полностью. Так нами уже указывалось, что труд их определяется особым тарифным соглашением, которое заключается правлением объединения с соответствующим профсоюзом, кроме того, члены коллективов и предприятий, проработавшие более 11½ мес., имеют право на отпуск, а при неполучении такового могут получить компенсацию по общим основаниям. Тут наблюдается некоторое отступление от 114 ст. Код. зак. о труде, по которой право на отпуск возникает для всякого трудящегося по прослужении им не менее 5½ мес. В отношении безработных, не достигших 18 лет, достаточно непрерывной работы в предприятии не менее 11 мес., при чем им дается отпуск продолжительностью в один месяц. Что касается тех случаев, когда непрерывная работа продолжалась для первых в течение времени менее 11½ мес., а для вторых менее 11 мес., то, вопреки установившейся практике, циркулярное письмо НКТ от 3 июля 1925 г. («Известия НКТ» № 31) прямо и притом в категорической форме. воспрещает выдачу пропорциональной компенсации. Согласно пункта «г» ст. 11 положения от 22 декабря 1924 г. участники коллективов должны пользоваться всеми правами застрахованных по всем видам страхования. В довершение всего, разъяснением НКТ СССР от 23 октября 1925 г. («Изв. НКТ» № 43) признано, что пребывание безработных в коллективах и предприятиях, организуемых комитетами бирж труда, приравнивается в отношении трудового стажа к работе по найму. Поэтому в порядке вполне последовательного толкования разъяснения НКТ, НКЮ и НКВД РСФСР от 31 октября 1925 г. («Известия НКТ» № 48) признало, что на суммы, причитающиеся лицам, работающим в предприятиях и коллективах, организуемых комитетами бирж труда для оказания трудовой помощи безработным, взыскания по исполнительным листам и взыскания административных штрафов обращаются в порядке, установленном Гр. Пр. Код. в ст.ст. 289—291 для лиц, служащих и работающих по найму, при чем еще раз подчеркивается, что вовсе не допускаются удержания из компенсационных сумм и из пособий, выдаваемых органами соц. страхования.

Таким образом, члены трудовых коллективов являются лицами, работающими по найму, имеющими право на членство в союзах, и Код. зак. о труде на них распространяется так же, как и на прочих трудящихся, но с теми ограничениями, которые специально предусмотрены особыми постановлениями и которые, естественно, вытекают из основного принципа структуры этих объединений, сменяемости личного состава. Этим, в частности, и объясняется то обстоятельство, что согласно 28 ст. инструкции НКТ СССР от 25 сентября 1925 г. безработные занятые на общественных работах и в трудовых коллективах, организуемых комитетами бирж труда, не пользуются льготами по сохранению должности и содержания по месту ра-

боты и по получению двухнедельного пособия при призыве. Исключение сделано лишь для безработных, имеющих право на получение пособия по безработице в порядке социального страхования и не получающих его вследствие нахождения на общественных работах или в трудовых коллективах. Эти лица имеют право при очередном призыве, мобилизации, на единовременное пособие от предприятия или коллектива, где они работают, в размере своего полумесечного пособия по безработице.

В отношении же трудовых артелей действуют совершенно другие начала и иные принципы. Прежде всего, трудовые артели по структуре своей являются предприятиями трудовой кооперации, как это вполне резонно утверждает т. Мовчановский («Раб. Суд» № 39—1925), и на них, в силу ст. 8 положения от 15 декабря 1924 г., распространяются льготы, установленные соответствующими постановлениями для промысловой кооперации. Самая структура управления в трудовых артелях, конечно, не назначенская, как в коллективах, а основана на принципе избирательства. Органами управления артелей являются общие собрания и правление. Основными функциями общих собраний являются: избрание членов правления прочих артельных органов, причем и исключение членов, изменения и дополнения уставов, утверждение отчетов, смет, хозяйственного плана, распределение чистого дохода и убытков, рассмотрение жалоб на правление и т. д. При этом необходимо иметь в виду, что основной принцип кооперации, заключающийся в том, что в общем собрании каждый член имеет право только на один голос, который к тому же не может быть передаваем другим лицам, и тут в точности соблюден и выдержан.

При такой постановке вопроса становится очевидным, что трудовые артели являются собственно кооперативными предприятиями, самостоятельными хозяйственными единицами, в основании деятельности которых, правда, лежит физический или интеллектуальный труд отдельных членов, но труд этот дается ими не в виде нормального и типичного договора трудового найма, а по системе трудовой кооперации. Ни союзные тарификации, ни законоположения, касающиеся трудового договора в отношении членов артели, говоря обще, не применимы. Поэтому невольно встает вопрос о том, а могут ли члены артелей состоять членами союзов или нет? Так как союзное членство имеет своим основанием состояние трудящегося в отношениях по договору трудового найма, то, казалось бы, члены артели, как не состоящие в отношениях по договору найма, и не могут быть членами союзов.

Так собственно в большинстве случаев и решается вопрос практикой наших профорганизаций, которые сплошь и рядом огульно всех своих членов, организовавших трудовые артели, исключают из союзов. Однако, эта практика представляется неправильной. Тов. Мовчановский вполне резонно отмечает, что трудовые артели могут исполнять работу как в порядке трудового договора, так и подряда.

В первом случае нет никаких оснований к исключению их из союзов, в то время как во втором союзное членство, по указанию т. Мовчановского, недопустимо. Эти соображения должны

быть признаны вполне правильными, т. к. согласно ст. 16 положения об артелях от 15 декабря 1924 г. «при привлечении трудовой артели к работам в порядке трудового договора отношения между сторонами (работодателем и артелью) определяются правилами примечания I к ст. 29, а также ст.ст. 30, 33 и 35 Код. зак. о труде». При таких условиях, огульное исключение членов артели из союзов должно быть признано неправильным. Тут должен быть применен подход индивидуальный, в зависимости от характера деятельности той или иной артели.

Таким образом, мы проследили точки соприкосновения и расхождения в структуре трудовых коллективов и трудовых артелей. Как видно, расхождений гораздо больше, чем совпадений. Единственный, правда, весьма существенный пункт совпадения, это—наличность трудового принципа и там и здесь. Этот принцип, конечно, сближает обе

разновидности указанного трудового объединения, но о полном совпадении тут не может быть и речи.

Возникает последний вопрос, могут ли трудовые коллективы преобразовываться в трудовые артели? На этот вопрос непосредственного ответа мы в законе не находим. Нам думается, что ответ тут может быть лишь отрицательный, так как положение о трудовых коллективах предусматривает совершенно иное преобразование. По статье 10 положения за комитетами бирж труда признается право окрепшие в хозяйственном отношении предприятия передавать хозорганам по соглашению с последними. Это вполне понятно, т. к. трудовые коллективы являются государственными предприятиями и могут переходить к хозорганам, а не превращаться в органы трудовой кооперации.

А. Кусиков.

г. Тифлис.

Имущественная ответственность членов ликвидированной инвалидной артели.

Если попытаться найти ответ на вопрос об имущественной ответственности членов ликвидированной инвалидной артели в нормальном уставе инвалидных артелей (утв. НКСО 15/II—23 г.), то при самом внимательном чтении параграфов этого устава прямого ответа мы не найдем. Однако, ближе всего подходит к этому вопросу § 64 устава. Параграф этот гласит: «Если имущество артели окажется недостаточным для покрытия всех обязательств, то ликвидаторы поступают по закону об ответственности членов артели при ее несостоятельности, при этом в первую очередь погашаются ссуды объединений инвалидов». Цитированный § помещен в девятом разделе устава, озаглавленном: «Ликвидация артелей». Если же прочесть все семь параграфов этого раздела, то можно увидеть, что здесь имеется в виду установить, в каких случаях наступает ликвидация и как она производится. И, естественно, что, говоря о порядке ликвидации, устав не мог не подойти к вопросу о том, как быть в тех случаях, когда имущество артели окажется недостаточным для покрытия всех обязательств. Но, подойдя вплотную к этому вопросу, устав не дает на него ответа, не устанавливает особого порядка ответственности членов инвалидной артели по обязательствам таковой, а предлагает ликвидаторам поступать по закону об ответственности членов артели при ее несостоятельности. Делая такое указание ликвидаторам, устав, как сказано выше, не дает прямого ответа на вопрос о пределах материальной ответственности членов инвалидной артели, но косвенный ответ дает. Устав не устанавливает специального порядка для ответственности членов инвалидной артели, а предлагает руководствоваться общим законом об ответственности членов не инвалидных только артелей, а вообще артелей. Таким образом, ответ на поставленный вопрос нужно искать в общих узаконениях об артелях. Однако, пытаясь это сделать, мы прежде всего встретимся с тем фактом, что термин «артель» не

имеет точного определения в действующем законодательстве.

Разъяснение III Отдела НКЮ НКФину № 990 от 20/VIII—24 г.¹⁾, устанавливая это отсутствие в наших законах определения понятия «артель», говорит: однако, ближе всего артели подходят не к простым товариществам, как, предполагает Наркомфин, а к товариществам с ограниченной ответственностью. Далее НКЮ указывал, что между артелями нужно различать трудовые, производственные и непроизводственные, имея в виду, что эти определения имеют прежде всего социально-экономический смысл. В дальнейшем изложении НКЮ указывает, что члены некоторых артелей должны быть приравнены к рабочим и служащим, что не может быть применено к членам артелей предпринимательского типа. «Единство юридической формы является здесь менее существенным, чем глубокое различие социально-экономического содержания» — говорит НКЮ. Следуя, прежде всего, основному указанию НКЮ, данному в вышеизложенном разъяснении, о том, что артели ближе всего подходят к товариществам с ограниченной ответственностью, попробуем определить ответственность членов инвалидной артели за долги последней, на основании ст.ст. Гр. Код., относящихся к товариществам с ограниченной ответственностью.

Прежде всего ст. 318 устанавливает положение, что в т-ве с ограниченной ответственностью товарищи отвечают не только вкладами, но и личным имуществом в определенном кратном отношении к сумме вклада, а ст. 319 определяет пределы ответственности товарищей в том смысле, что никто из товарищей не несет перед третьими лицами или перед другими участниками т-ва какой-либо имущественной ответственности сверх его вклада и установленной кратной ко вкладу ответственности.

¹⁾ См. «Гражд. Кодекс РСФСР с постановленными систематизированными материалами» под ред. Александровского, ст. 318. С. А.

Запасшись этими двумя нормами Гр. Кодекса, вернемся к нормальному уставу инвалидных артелей. Просматривая вновь его §§ сквозь призматических норм, мы видим, что § 24 устава устанавливает для всех членов артели обязательные равные пая, и ни о какой ответственности в кратном к паяу отношении в уставе ничего не говорится.

Какой из этого можно сделать вывод? Я полагаю, вывод следующий. Если действительно артели вообще, в частности инвалидные, ближе всего по своей природе к т-вам с ограниченной ответственностью и если, следовательно, правовые нормы, существующие для последних т-в, должны определять и правовое положение инвалидных артелей, то, поскольку в нормальном уставе нет указаний на многократную ответственность членов артели, нужно признать, что таковая ответственность однократна, т.-е. что каждый член артели должен отвечать лишь своим паям. Для подкрепления такого моего взгляда я обращаюсь вновь к цитированному мною выше разъяснению НКЮ, именно к той его части, где говорится о том, что при обложении артелей нужно различать их, имея в виду социально-экономическую сторону вопроса. Я полагаю, что и при решении вопроса об ответственности членов артели за долги таковой также нужно считаться с социально-экономическим назначением артелей.

Для определения социально-экономического положения инвалидных артелей и их членов нужно иметь в виду следующие положения закона. Прежде всего, основной закон о социальном обеспечении инвалидов от 8 декабря 1921 г., в § 6 гласит: «инвалиды, не имеющие доходного хозяйства или промысла, отнесенные ко II-й и III-й группам инвалидности, обеспечиваются помещением их в специальные инвалидные мастерские и трудовые колонии отдела социального обеспечения, а также включением их в инвалидные производственные и производственно-потребительские, кооперативные и т. п. объединения»; а § 9 того же закона говорит: «Организация производственных и производственно-потребительских инвалидных кооперативов и других трудовых объединений возлагается на НКСО и местные отделы социального обеспечения, которые в случае необходимости выдают этим объединениям ссуды и субсидии; п р и м е ч а н и е: «на НКСО возлагается издание нормального устава инвалидных производственных и производственно-потребительских объединений»; § II того же закона: «Все органы государственной власти обязаны содействовать вышеуказанным объединениям», и § 12: «НКСО и его органы принимают все меры к облегчению деятельности указанных выше объединений» и т. д.

Далее постановление НКСО от 26 мая 1923 года («С. У.» № 65 от 1923 г.), устанавливая порядок организации инвалидных артелей, между прочим, говорит: в § 7.—«В случае необходимости возможно временно, впредь до хозяйственного укрепления артелей, оставить членов ее, инвалидов (имеющих

право на социальное обеспечение), на государственном обеспечении»; в § 15—«По утверждении губ. отделом соц. обесп. устава артели, последний заносится в особый реестр по управлению учреждениями соц. обеспечения губ. отдела социального обеспечения»; и в § 27—«Органы НКСО должны обратить особое внимание на недопущение спекулятивного элемента, стремящегося к прикрытию своих частных интересов флагом инвалидной кооперации». Наконец, в самом нормальном уставе мы отметим следующие места: в § 57, где говорится о распределении прибылей, предлагается после отчислений в запасный капитал и, по усмотрению общего собрания, на другие цели оставшуюся затем сумму распределять между членами артели пропорционально числу рабочих часов каждого члена в отчетном году (я подчеркиваю, что прибыль распределяется пропорционально рабочим часам, а не по паям). И, наконец, § 65 устанавливает правило, что при ликвидации артели, «по возвращении осуды и уплате долгов, имущество и капиталы артели обращаются в фонд губернского объединения».

Я полагаю, что приведенные мною выдержки из законов с исчерпывающей полнотой определяют социально-экономический характер инвалидных артелей. Именно, инвалидная артель есть один из способов социального обеспечения. Создаваемая для этой цели органами НКСО она находится не только под их ближайшим наблюдением и контролем, но и сама является учреждением социального обеспечения, т. к. она заносится в особый реестр по управлению учреждениями социального обеспечения губ. отдела соц. обеспечения. Состав артелей очищается от нетрудовых элементов. Члены артелей участвуют в прибылях сообразно их участию в работе, пропорционально количеству проработанных часов. И, наконец, имущество артели не является ни в какой степени имуществом входящих в нее членов, так как в случае ликвидации артели оно после покрытия долгов не распределяется между членами артели, а обращается в фонд губ. объединения.

Я полагаю, что анализ социально-экономического характера инвалидных артелей, который я попытался сделать, позволяет с уверенностью утверждать, что сделанный выше вывод об ответственности членов артели за долги таковой лишь в пределах внесенного пая совершенно соответствует истине. Иначе пришлось бы допустить такое противоречащее здравому смыслу положение, что законодатель, опекая всячески инвалидных артелей, вплоть до оставления членов таковых артелей на социальном обеспечении, возлагает на этих заведомо неимущих людей ответственность за долги кооператива, членами которого они состояли, не получая от таковой организации ничего, кроме зарплаты, и не имея никаких прав на имущество этого кооператива даже в случае наличия какого-либо остатка при его ликвидации.

С. Айзенман.

Обзор советского законодательства за время с 17 по 23 февраля 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Финансы.

1. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 8 января о предоставлении предприятиям и трудовым коллективам безработных, организуемых комитетами бирж труда, льгот по налоговому обложению и социальному страхованию («Изв. ЦИК СССР» от 21 января, № 17), отменяя постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 28-го ноября 1924 г. о предоставлении артелям и объединениям безработных, организуемых комитетами бирж труда, льгот по налоговому обложению («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 27, ст. 231) и разъяснительного характера постановления СНК Союза ССР от 26 сентября 1925 г. («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 72, ст. 531), упорядочивает пользование льготами и в то же время расширяет их. Льготами по освобождению от всех налогов и сборов в течение шести месяцев со дня организации пользуются не только трудовые коллективы безработных, но и производственные и торговые предприятия, организуемые комитетами бирж труда и состоящие в их ведении; освобождены также и правления (управления) предприятий и коллективов. Оставляя в силе право Народного Комиссариата Финансов Союза ССР продлить в исключительных случаях действие общей льготы до двенадцати месяцев, постановление в то же время освобождает и по истечении указанных сроков уплаты промыслового и подоходного налога те предприятия, коллективы и правления, оборот которых не превышает 20.000 руб. в год; в случае же превышения этого предела, обложение понижается для торговых предприятий на 25%, для производственных же предприятий, трудовых коллективов и правлений (управлений)—до 50%. Весьма важным расширением льгот является полное освобождение от уплаты взносов по социальному страхованию за работающими в коллективах, предприятиях и правлениях безработных, при чем эти лица пользуются всеми правами застрахованных.

Рассматриваемое постановление является очередным мероприятием по борьбе с безработицей, мерами трудового характера.

2. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 8 января об отмене особого сбора с вывозимых за границу хлебофуражных продуктов («Изв. ЦИК СССР» от 21 января, № 17) устанавливает взамен его взимание портового пошудного сбора, постановление о котором будет издано дополнительно.

Отменены постановления ЦИК и СНК от 27-го июля 1923 г., от 10 октября 1923 г., (п. 2 ст. 1 и ст. 11), от 22 февраля 1924 г. и от 27 марта 1925 г. («С. У. РСФСР» 1923 г. № 88, ст. 849, 1924 г. № 9, ст. 61 и № 34, ст. 326; «Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 23, ст. 147).

Постановление, отменяя взимание налога, удорожавшего стоимость вывозимых за границу хлебофуражных продуктов и препятствовавшего безубыточной их реализации на мировом хлебном рынке, предусматривает восстановление взимания обычного портового сбора, введенного постановлением СНК РСФСР от 20-го мая 1921 г. («С. У.» № 48, ст. 243) и отмененного упомянутым постановлением от 10-го октября 1923 г.

3. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 15-го января об акцизе на этиловый (винный) спирт («Изв. ЦИК

СССР» от 22 января, № 18) отменен ряд узаконений об обложении акцизом спирта, отпускаемого для различных надобностей, как сырого, так и ректификованного, как в чистом, так и в денатурированном виде. Упразднен и приведен в систему отпуск спирта как по пониженным ставкам акциза на технические и хозяйственные надобности, для нужд ученых, научных, врачебных и др., так и с совершенным освобождением от уплаты акциза в тех случаях, где спирт вступает в процессе переработки с другими веществами в химические соединения, либо не остается вовсе в составе конечного продукта (различные химико-фармацевтические препараты).

4. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 8 января об обложении акцизом искусственного шелка («Изв. ЦИК СССР» от 21 января, № 17) проводится мера поощрения внутреннего шелкоткацкого производства, отменено взимание акциза с тканой искусственного шелка или содержащих примеси последнего. Установлено обложение акцизом пряжи из искусственного шелка, производимого при ее выпуске с прядильных фабрик.

5. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 8 января об изменении п. «в» ст. 1 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 31 июля 1925 г. с промысловым обложением производства предметов роскоши и торговли ими («Изв. ЦИК СССР» от 20 января № 16) устранимо из этого постановления («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 55, ст. 406) указание на бархатные материи, как на предмет роскоши.

6. Постановление СТО от 29 октября о возврате таможенных пошлин при вывозе за границу медных изделий и выделанной кожи («Изв. ЦИК СССР» от 26 января, № 20), изданное на основании 165 ст. Таможенного устава Союза ССР («С. З. СССР» 1925 г. № 5, ст. 53), распространяет на новые предметы внутреннего производства те льготы, которые были установлены еще п.п. 2 и 3 постановления ЦИК и СНК РСФСР от 11 января 1923 г. о мерах к содействиях экспорту («С. У. РСФСР» 1923 г. № 3, ст. 60). Возврат таможенных пошлин производится посредством выдачи особых зачетных квитанций, принимаемых в зачет при уплате таможенных пошлин за медь, ее сплавы и изделия из нее, либо за дубильные экстракты в зависимости от того, при вывозе каких именно изделий эти квитанции получены. Вывоз изделий с возвратом таможенных пошлин производится через все таможни, через которые разрешен вывоз товаров со сложением акциза.

Установление срока введения постановления в действие предоставлено Наркомату Финансов Союза ССР.

Народная связь.

7. Постановлением СНК Союза ССР от 19-го января об изменении такс на некоторые виды почтовых отправлений («Известия ЦИК СССР» от 22-го января, № 18) повышен весовой сбор за пересылку иногородних простых закрытых писем до 8 коп. за первые 20 гр. и до 5 коп. за каждые последующие 20 гр. Установлено взимание особого комиссионного сбора с отправлений с наложенным платежом; размер сбора—1% с суммы платежа при минимуме в 10 коп.; максимальный размер наложенного платежа—50.000 руб. Страховой сбор с писем и посылок с объявленной ценностью взимается независимо от расстояния, но в зависимости от объявленной цены отправления при минимуме в 20 к. (до 25 руб.). С суммы от 25 руб.

до 50 руб. взимается 40 коп., а от 50 руб. до 100 руб.— 80 коп. В дальнейшем до 1000 руб. взимается основной сбор с каждой сотни рублей или части ее, превышающей 50 рублей—в 80 коп., а с частей до 25 руб. и 50 руб.— соответственно 20 и 40 коп. На таких же основаниях построено взимание сбора и при больших суммах объявленной ценности. То же начало независимости от расстояния проведения и при установлении новых изменений такс сбора за денежные переводы. Минимум этого сбора 15 коп. Отменен дополнительный десятикопеечный сбор за транспортную перевозку посылок, как ставший население отдаленных от железнодорожных и водных линий пунктов в худшие условия пользования услугами народной связи. Сбор за заказ повышен до 10 коп.

Постановление, отменяющее ряд узаконений, вводится в действие с 1-го февраля 1926 г.

Опубликование узаконений.

8. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 8 января об изменении ст. 12 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 22 августа 1922 г. о порядке опубликования законов и распоряжений Правительства Союза ССР («Изв. ЦИК СССР» от 21 января, № 17) вносит изменения в установленный последним постановлением («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 7, ст. 71) порядок опубликования уставов. Уставы юридических лиц (этим общим термином заменено подробное перечисление видов юридических лиц, не могущее быть исчерпывающим) подлежат опубликованию лишь после их регистрации. Но уже до регистрации учредители или руководящие органы обязаны представить для опубликования засвидетельствованную копию устава вместе с установленной платой. На регистрирующие органы возложена обязанность удостовериться в исполнении этого требования, а равно сообщать в отдел опубликования законов с состоявшейся регистрацией не позже семидневного срока.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Просвещение.

1. Утвержденное постановлением СНК РСФСР от 4-го января положение о профессионально-технических школах Народного Комиссариата Социального Обеспечения для инвалидов («Изв. ЦИК СССР» от 20 января, № 16) нормирует в законодательном порядке организацию, управление, порядок деятельности и средства этих школ, имеющих своим назначением обучение инвалидов рациональным способам ведения сельского хозяйства и доступным физическим силам и состоянию инвалида ремеслам, а также подготовку из среды инвалидов инструкторов низовой кооперации и повышение культурного уровня и политического сознания инвалидов. В школах для лучшего достижения поставленных им целей организуются учебные и учебно-производственные мастерские и подсобные предприятия, а также различные учебно-вспомогательные учреждения; состоя на государственном бюджете, школы пользуются правами юридического лица. Управляет школой заведующий по назначению Наркомсобеса (по соглашению с исполкомом), перед которым он несет ответственность за правильное функционирование школы. Состоящий при заведующем педагогический совет, в состав которого входят, кроме заведующего и его помощника, также преподаватели, врачи, старшие инструктора, представители от исполкома и от учащихся, имеет лишь совещательный характер. Разногласия между заведующим и педагогическим советом разрешаются Наркомсобесом. Обучение происходит по программам, выработанным НЕСО по соглаше-

нию с Наркомпросом, и состоит в обучении инвалидов определенных, специальных и общеобразовательных познаний, а также в проведении обязательных работ в учебных и учебно-производственных мастерских и предприятиях. Как обучение, так и содержание инвалидов в профиколах (в течение двухлетнего срока обучения) производится бесплатно. Прием в школы производится по командировкам местных органов Собеса. Принимаются инвалиды всех групп, не старше 35 лет, по предварительном медицинском их освидетельствовании. Распоряжением заведующего школой исключаются из нее инвалиды, не способные к продолжению обучения, уклоняющиеся от выполнения учебных программ, а равно, нарушающие правила внутренней жизни и учебно-трудовой дисциплины. Сдавшим выпускные испытания выдаются свидетельства. Средства школ образуются из ассигнований НКССО, поступлений от госорганов, общественных и профессиональных организаций, доходов от предприятий и случайных поступлений.

Финансы.

2. Постановление ЭКОСО РСФСР от 12 января об исключении некоторых поселений Иваново-Вознесенской губ. из таблицы ставок основной ренты («Изв. ЦИК СССР» от 21 января, № 17) издано на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 19 июня 1925 г. («Собр. Зак. СССР» № 41, ст. 298).

Гражданский Кодекс.

3. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 января об изменении редакции ст. 327 Гражд. Код. РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 26 января, № 20) органом периодической печати, в котором производится публикация о признании акционерного общества несостоявшимся и о его ликвидации, назначена «Экономическая Жизнь» вместо «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Новая редакция ст. 327 соответствует положению «Экономической Жизни», как органа Совета Труда и Оборона, в котором согласно ст.ст. 325 и 335 Гражд. Код., производится публикация как об утверждении уставов акционерных обществ, так и об их регистрации.

Земельный Кодекс.

4. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 января о предметах ведения и составе Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам («Изв. ЦИК СССР» от 26-го января, № 20) издано в развитие и дополнение, а отчасти также изменение ст.ст. 220 и 220-а Зем. Код., хотя об этом в тексте постановления не упоминается. Предметы ведения ОКВК изложены очень подробно: в ее компетенцию входят не только разрешения жалоб и протестов на вопиющие в законную силу решения земельных комиссий и разрешение ходатайств о пересмотре этих решений по вновь открывшимся обстоятельствам, но и установление единообразия и правильного применения земельных законов земкомиссиями и единого порядка рассмотрения спорных земельных дел. Это расширение прав ОКВК превращает ее в единую истолковательницу земельного законодательства, которая разрешает практические вопросы этого законодательства, возникающие при рассмотрении земельных споров. Но ОКВК принадлежит также права организационно-инструкторского характера. Кроме того, ей же принадлежит право разрешения по существу пограничных споров, возникающих между автономными республиками и областями с сопредельными губерниями и областями. Состав ОКВК изменен: в нее входят председатель, два за-

местителя и семь членов, из коих трое назначаются Президиумом ВЦИК по представлению НКЮ, остальные же по представлению НКЗема.

5. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 января о дополнении постановления ВЦИК и СНК от 31 октября 1924 г. о сроке ведения в действие списков по разделению государственных земельных имуществ («Изв. ЦИК СССР» от 27 января, № 21) устанавливает, что доходы от государственных земельных имуществ, признанных имуществами местного значения, не внесенные до издания постановления в государственную казну, зачисляются полностью в местный бюджет независимо от времени отнесения их к местным имуществам.

Районирование и админ. деление.

6. Постановлением Президиума ВЦИК от 4 января об образовании и районировании Дальневосточного края («Изв. ЦИК СССР», от 24 января № 19), этот край образован из губерний Забайкальской, Амурской, Камчатской и Приморской (с северной частью Сахалина). В новом крае, как и в ранее образованных краях Северо-Кавказском и Сибирском и в Уральской области, установлен переход

к окружному и районному административному делению. Всего образовано восемь округов.

7—8. Двумя постановлениями Президиума ВЦИК от 4 января утверждены списки городов по Курской и Новгородской губ. («Изв. ЦИК СССР» от 27 января, № 21).

Узаконения, утратившие силу.

9. При постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 4 января об утверждении перечней постановлений об имущественном страховании, утративших силу («Изв. ЦИК СССР» от 21 января, № 21), опубликованы два перечня: а) постановлений, утративших силу до издания положений о государственном страховании Союза ССР, и б) постановлений, отменяемых с изданием пол. о гос. страх. СССР.

10. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 января о дополнении перечня узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства, потерявших силу и отмененных с изданием постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1925 г. о торговле фондовыми и валютными ценностями («Изв. ЦИК СССР» от 26-го января, № 20).

М. Брагинский.

Повестка VI с'езда деятелей юстиции РСФСР, созываемого 12 апреля 1926 г.

I. Доклады НКЮ.

а) Доклад об основных моментах работы НКЮ и ближайших задачах по укреплению начал революционной законности.

б) Доклад об организации и работе прокуратуры в связи с укреплением начал революционной законности.

в) Доклад об организации и работе судебного аппарата в связи с укреплением начал революционной законности.

II. Проект комиссии ЦИК Союза ССР об организации Прокуратуры Союза ССР.

III. Доклад о краевых судебных органах и органах прокуратуры в связи с районированием РСФСР.

IV. Доклад Верховного Суда РСФСР об основных принципах уголовной и гражданской судебной практики.

V. Доклад о практике применения Угол. Проц. Кодекса в связи с предложением о его упрощении.

VI. Доклад о новой редакции Угол. Кодекса.

VII. Доклад о Кодексе законов о браке, семье и опеке.

VIII. Доклад о применении НОТ в органах юстиции.

IX. Доклад об учете опыта издания «Ежен. Сов. Юст.» и других изданий НКЮ и мерах улучшения изданий по советскому праву.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию.)

Вопросы гражданского процесса.

Тов. Плюшков (Детское село) в заметке «Необходимо разъяснение» отмечает, что

«некоторые судьи не принимают к своему производству исковых заявлений лиц, возбуждающих иски о признании за ними права собственности на вещи, описанные у других лиц, при чем мотивом отказа является то, что иск подается на 8—10 день, а ст. 270 ГПК допускает лишь 7-дневный срок. Правильно ли такой отказ?»

Конечно, неправилен, потому что такое заявление заинтересованного лица, как правильно указывает автор заметки,

- 1) не содержит в себе никакой жалобы на действия судебного исполнителя процессуального характера;
- 2) подается в народный или губернский суд по подсудности, в зависимости от цены иска, а не судье;
- 3) рассматривается не единолично судьей, а составом присутствия народного или губернского суда.

Думается, что такое заявление подлежит принятию к производству суда на точном основании ст. 2 Гр. Кодекса, говорящей, что «споры о праве гражданском разрешаются в судебном порядке». Для защиты прав истца судебным порядком законом предоставлен трехлетний срок исковой давности с момента нарушения права неправильной описью имущества. При этом вопрос об отсутствии права на предъявление иска за истечением давности подлежит рассмотрению в судебном заседании с проверкой доказательств.

Дальше тов. Плюшков ставит следующий вопрос из судебной практики:

«Может ли быть оставлена без движения кассационная жалоба, принесенная в срок на решение по гражданскому делу, если она не оплачена или оплачена неполными судебными пошлинами».

Иногда случается, что сторона, участвовавшая в гражданском процессе, представляет в суд жалобу почтой, одновременно выслала судебные пошлины денежным переводом и допуская ошибку в расчете этих пошлин, не досылая их до требуемой законом нормы. На практике суды извещают подателя о том, что в определенный срок должна быть допущена пошлина по поступившей кассационной жалобе, «в противном случае жалоба будет оставлена без последствий». Вот это последнее указание судов нам кажется не совсем правильным. На каждое решение суда может быть по воле стороны принесена кассационная жалоба, и принесенная жалоба подлежит безусловному рассмотрению высшей инстанцией суда.

Мы полагаем, что поставленный автором заметки вопрос разрешается в утвердительном смысле, вопреки мнению т. Плюшкова. Правда, ст. 35 ГПК и постановления части 4 ГПК непосредственно не дают ответа на поставленный вопрос. Но по существу ответ по аналогичному вопросу в суде первой инстанции дает ст. 81 ГПК и косвенно вывод о правильности оставления в подобных случаях жалобы без движения следует из содержания ст.ст. 40 и 41 инструкции о порядке взимания суд. пошлин, утвержденной 17 ноября 1924 года («Собр. Кодексов РСФСР» 3 изд., стр. 815—816). Ст. 41 названной инструкции категорически постановляет, что «судебная пошлина и надбавка к ней, следуемые за разбор дела во второй инстанции, отсрочке и рассрочке не подлежат», между тем, как препровождение жалобы с производством в кассационный суд и предоставление на рассмотрение последнего вопроса о взыскании или довызыскании пошлины за жалобу было бы равносильно допущению отсрочки внесения пошлины, чего суд сделать не вправе. Поэтому казалось бы правильным препровождать кассацион-

ную жалобу с производством в суд высшей инстанции лишь после оплаты ее подлежащими сборами полностью или по вынесению судом постановления об освобождении кассатора от пошлин и сборов, в порядке п. «в» ст. 43 ГПК.

Член Армавирской сессии Сев.-Кавказского краевого суда тов. Прудников в заметке «О прекращении гражданских дел» находит, что циркуляр Верховуда от 4/II—1925 года за № 7 («Е.С.Ю.» 1924 года № 51) содержит существенные недостатки:

«Одним из таких пробелов... является то обстоятельство, что в нем не приведена, как установленное законом основание к прекращению дела, ст. 81 ГПК. При предъявлении исков с соблюдением ст. 78 ГПК истец указывает точный адрес или место постоянного занятия ответчика и просит назначить дело к слушанию... При разбирательстве дела в судебном заседании устанавливается, что ответчик выехал с указанного истцом местожительства за месяц, а иногда больше времени до предъявления иска, а иногда устанавливается, что он никогда там не проживал. Считать же повестку, по силе 74 ст. ГПК, врученной не представляется возможным, так как последняя гласит, что тяжущиеся обязаны сами уведомлять суд о перемещении своего адреса во время производства дела. При отсутствии такого заявления повестка посылается по последнему известному суду адресу, по которому вручались повестки (подчеркнуто нами Л. П.), и считается доставленной, хотя бы адресат по этому адресу более и не проживал».

Тов. Прудников находит, что, поскольку повестки ответчику по последнему местожительству ранее не вручались, целесообразно в таких случаях прекращать производство.

Вопрос о прекращении производства привлекает к себе все большее внимание на практике. Оповещение сторон о слушании дела имеет большое значение в процессе. Отмеченное т. Прудниковым затруднение должно, несомненно, привлечь к себе внимание руководящих органов Юстиции.

В заметке т. Смирнова (г. Кимры) ставится вопрос об объеме полномочий поверенного, согласно ст. 17 ГПК, данных устно доверителем в заседании суда.

«Осторопы в гражданских делах могут вести дело в суде как лично, так и через своих представителей. Последние снабжаются соответствующими полномочиями, которые даются стороной либо в суде устно, с занесением в протокол, либо особой доверенностью. Таким образом, устанавливается два вида полномочий—устное (на суде) и письменное (засвидетельствованная доверенность). Второй вид полномочий сомнений никаких не вызывает; по этому нельзя сказать при первом виде полномочий—устном (судебном). Обычно бывает так: сторона в судебном заседании на вопрос председателя суда: какие у вас имеются ходатайства, отвечает: прощу суд допустить для защиты моих интересов такого-то (напр., члена коллегии адвокатов); суд допускает, что и отмечается в протоколе судебного заседания. Ст. 18 ГПК определяет содержание данного полномочия, как право на совершения всех процессуальных действий, кроме окончания дела миром, передачи дела в третейский суд, признания отказа полностью или частично от исковых требований и заявления спора о подлоге; эти так бы особые, исключительные права выделяются из процессуальных обычных действий, и на совершение таковых должно быть специальное полномочие. нас интересует здесь такой вопрос: требуется ли особое полномочие (доверенность) на поддержание кассационной жалобы или возражение против нее в губсуде в тех случаях, когда это делается тем же лицом, которое было представителем стороны в гарсуде по устному полномочию».

Этот вопрос обычно не вызывает затруднений в судебной практике. Разве не исчерпывающий ответ на вопрос т. Смирнова содержится в ст. 18 ГПК, которая подробно перечисляет процессуальные действия, требующие специального полномочия для представителя стороны в процессе. Принесение кассационной жалобы в этом перечне не указано. Напротив, ст. 18 ГПК определенно говорит, что «полномочие дает представителю право на совершение всех процессуальных действий, кроме...» (следует перечислить исключения, указанный выше т. Смирновым). Поэтому следует думать, что однажды занесенное в протокол судебного заседания устное полномочие доверителя дает поверенному право на принесение кассационной жалобы или возражение против таковой, если, конечно, доверенность не была отменена в порядке ст.ст. 270—271 Гражданского Кодекса.

Тов. Андреев (нарсудья 3 уч. Можайского уезда Московской губернии) в связи с постановлением президиума Моссовета от 27 ноября 1924 года о возложении обязанностей по исполнению решений нарсудов на волысполкомы и сельсоветы спрашивает,

«может ли сельсовет выполнить взыскание штрафов, гербсбора, суд. пошлины, вознаграждения свидетелям и мелких гражданских удовлетворенных исков».

Тов. Андреев отвечает в отрицательном смысле на этот вопрос: .

«всякое взыскание без обращения на имущество не исполняется, за исключением редких случаев, ибо еще такова психология крестьянства, а райсельсовет не может продать имущества с торгов. Об этом в положении о сельсоветах ничего не говорится, а это самое главное тут необходимо присвоение прав райсельсовету».

Нам кажется, что постановления Московского губисполкома о возложении на сельсоветы обязанностей по исполнению решений вполне достаточно. На практике возложение обязанностей по исполнению решения в деревне на сельсо-

веты очень часто осуществляется путем обращения взыскателя с исполнительным листом в волысполком, председатель которого может поручить исполнение председателю сельсовета. А волысполком исполняет решения суда на основании примечания к ст. 45 положения о судеустройстве.

Тов. Лагунов (секретарь помощника Самарского губпрокурора по Мелекесскому уезду) в своей заметке «О назначении к слушанию дел» пишет:

«Вопрос о порядке назначения дел в нарсуде к слушанию для крестьян и трудящихся города очень важен. Между тем, как в циркулярах НКЮ, так и в изданных на местах губсудами указаниях о срочности назначения той или иной категории дел к рассмотрению, за истечением большого времени с момента их издания и изменением объективных условий, их вызвавших, получается большая неразбериха».

Например, если припомнить циркуляры НКЮ по данному вопросу, то мы можем насчитать почти десятков «очереди»: а) по гражданским—алименты, батрацкие, зарплата, разделы имущества; б) по уголовным—растраты, налоговые, лесопорубки, самогон.

Такое изобилие «очереди» и «внеочереди» создает на местах недоумения судработников и недовольство граждан.

Желательно и необходимо, поэтому, пересмотреть распоряжения о порядке очередности дел в нарсудах в сторону всемерного сокращения числа «очереди».

Тов. Лагунов прав, что вне очереди должны разбираться дела по взысканию зарплаты, алиментов и уголовные дела о растратах.

Устаревшие циркуляры НКЮ о порядке очередности рассмотрения тех или иных дел должны на местах сообразоваться с потребностями живой действительности. При этом направление работы нарсуда должно идти неизменно в сторону ускорения производства всех дел, поступающих на его рассмотрение.

Е. Д.

Страница практика.

Формы процессуального представительства в советском гражданском суде.

В каком моменту судебного заседания по гражданским делам следует приурочить словесное заявление сторон об уполномочии избранного защитника вести дело?

В этом отношении практика на местах дает процессуальный перебой, приурочивая словесное заявление о допущении защиты к моменту, указанному 106 ст. Гр. П. К. Но до начала той стадии прохождения процесса, которая указана в 106 ст. ГПК, от момента начала судебного заседания существует известная «дистанция» и в некоторых случаях дистанция большого размера. Отсюда и получается иногда искажение процессуального порядка.

Процесс начинается вызовом явившихся сторон к судебному заседанию. Одна из сторон может явиться лично, другая сторона может прислать поверенного с нотариальной доверенностью, при чем доверенность может быть дана теперь даже по телеграфу согласно циркуляра НКЮ № 80 от 6 апреля.

Представитель стороны, предъявивший служащую ему доверенность, засвидетельствованную нотариальным порядком, сразу же заменяет сторону в процессе; сторона же, являющаяся словесно в соглашение с защитником относи-

тельно процессуального представительства, некоторое время остается без защиты, так как заявление о допущении защиты обычно принимается нарсудами в порядке 106 ст. ГПК, при чем этот момент настает иногда после дачи словесных заявлений о допросе дополнительных свидетелей, о приобщении к делу справок и т. д. Таким образом, поверенный, представивший доверенность от стороны, лично не явившейся в суд, сразу же получает преимущество при даче начальных объяснений, нередко отражающихся на интересах противной стороны, тогда как противная сторона, находящаяся налицо, но поручившая представительство на суде поверенному, должна ждать особого признания судом права на процессуальное представительство избранного ею поверенного. Тут уж нельзя не констатировать наличия существенного нарушения интересов стороны, так как по каждому действию, происходящему на суде, участвующим в деле лицам должно быть предоставлено право своевременно высказаться относительно каждого процессуального действия, дать объяснение о каждом моменте, вызываемом ходом процесса, ибо задача правосудия в гражданском процессе и заключается в умении уяснить перед судом юридическое значение всех фактов, раскрывающихся по мере прохождения процесса. И лишь тогда, когда председательствующий в порядке 106 ст. ГПК предлагает являющимся представителям свои заявления, касающиеся существа иска, сторона, желающая воспользоваться услугами представителя

по словесному с ним соглашению, в числе прочих заявлений просит суд допустить ее представителя к даче необходимых на суде объяснений. До этого же момента не только члены коллегии, действующие по соглашению, но и по назначению от президиума коллегии, не могут заявить о своем вступлении в дело. Такой порядок, установившийся на местах в силу неправильного истолкования ст. 106 ГПК, следует признать не отвечающим идее представительства в советском гражданском процессе и нарушающим ст. 18, которая определенно указывает, что полномочие дает представителю право на совершение всех процессуальных действий и требует лишь специальной оговорки в полномочии для окончания дела миром, признания иска и отказа от него и др. ответственных актов. Но стороны обыкновенно являются лично в судебные заседания, а потому заявления об окончании дела миром, заявления о признании иска и об отказе от него могут быть подтверждены личными их заявлениями. Основываясь на только что указанной статье 18-й, следует признать, что закон устанавливает представительство в гражданском процессе с самого его начала, отнюдь не приурочивая его к моменту, о котором говорит ст. 106 того же

ГПК, всецело относящаяся к представлению сторонами доказательств, подкрепляющих искомые притязания, либо возражений на иск, но отнюдь не касающаяся таких заявлений, как ходатайство о заведении в протокол поручений поддерживать искомые требования и возражать на иск при посредстве процессуальных представителей. Поэтому совершенно ясно, что заявление о допущении процессуального представительства должно быть сделано в суде сторонами в самом начале процесса при открытии судебного заседания, и тогда же от членов коллегии защитников должны быть приняты и рассмотрены судом ордера и полномочия, выданные им для той же цели профсоюзами, учреждениями и пролетарскими организациями на ведение гражданских дел.

Что касается особого определения суда о допущении членов коллегии представителями тяжущихся по словесному заявлению сторон, то такое определение едва ли требуется, так как ст. 8 пол. о суд. РСФСР, определяя назначение красной адвокатуры, прямо ведь указывает, что коллегия защитников действуют для обеспечения трудящимся юридической помощи при разрешении как гражданских споров, так и для защиты по уголовным делам.

г. Рославль Смол. губ.

Н. Чистяков.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

Определение в порядке пересмотра дела по иску гр. гр. Сошников, Баранова и др. к Пензенскому губоткомхозу о зарплате.

1 декабря 1923 года группа граждан в 30 человек заключила с Пензенским губкоммунотделом договор, по которому приняла на себя обязанности по взиманию в пользу коммунотдела в течение 1 года сроком по 1 декабря 1924 г. разного рода сборов и арендной платы за право торговли на постоянных местах и базарных площадях г. Пензы.

Согласно условий договора сборщикам назначено жалование в 350 руб. за год каждому, и они зачислены в состав служащих ГКО.

24 июля 1924 года часть сборщиков, а именно: Сошников, Баранов, Суворов, Родионов, Строгонов, Чуднов и Зуботыкин были уволены комиссией по пересмотру личного состава ГКО за халатное отношение к службе и несоответствие своему назначению. Уволенные обжаловали постановление комиссии в Президиум ГСПС, по ходатайству коего для разрешения возникшего конфликта Пензенским ГПК'ом назначена междуведомственная комиссия, последняя подтвердила необходимость увольнения сборщиков, но постановила считать их уволенными не по чистке, а по сокращению штатов. РКК при ГКО не согласилась с этим постановлением и, не войдя в обсуждение вопроса о правильности увольнения сборщиков, признала их уволенными по чистке, а не по сокращению штатов, указав на то, что никакого сокращения штатов в ГКО не было и что уволенные заменены другими сотрудниками. Считая, однако, что ГКО не имел достаточных оснований для досрочного расторжения трудового договора, уволенные предъявили 30 октября 1924 г. к Пензенскому ГКО в трудсессии г. Пензы иск о восстановлении их в правах службы или же об уплате им жалованья по день окончания срока договора от 1 декабря 1923 года и компенсации за неиспользованный отпуск, всего в сумме 1287 руб. 24 коп.

Ответчик, с своей стороны, предъявил встречный иск в сумме 140 руб. излишне уплаченных истцам при выдаче ликвидационных в размере месячного заработка вместо двухнедельного.

Рассмотрев настоящее дело, трудсессия пришла, что увольнение сборщиков произошло по постановлению компетентных органов и не подлежало утверждению РКК, что при увольнении истцам выданы все причитающиеся им денежные суммы, что вместе с тем не подлежит удовлетворению и встречный иск ГКО, т. к. выходное пособие в размере месячного оклада выдано сборщикам на основании § 29 коллективного договора, заключенного ГКО с рабкомхозом, а посему решением от 10 февраля 1925 года отказала в основном и встречном иске. Это решение утверждено Пензенским губсудом 9 марта 1925 года.

По жалобе Сошников, Баранова и других настоящее дело внесено Прокурором по трудовым делам на разрешение ГПК на основании 133 ст. пол. о суд. с заключением о необходимости отмены решения трудсессии от 10 февраля 1925 года и определения губсуда от 9 марта 1925 года за нарушением примечания 1 к статье 47 Кодекса зак. о труде, согласно коего увольнение служащих по непригодности к работе может последовать только по решению РКК.

Верх. Суд вынес по этому делу следующее определение: Именем РСФСР 1925 г., октября 26 дня, Верховный Суд РСФСР по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя А. А. Крамер-Агеева, членов Е. Н. Даниловой и А. Я. Розенберга, в открытом судебном заседании слушал в порядке пересмотра на основании 133 ст. положения о судостроительстве дело по иску гр. Сошников, Баранова, Суворова, Родионова и других к Пензенскому губоткомхозу о зарплате.

Рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание: 1) что увольнение истцов сборщиков по постановлению междуведомственной комиссии от 10 сентября 1924 по мотивам сокращения штатов в губкоммунотделе состоялось с нарушением ст. 47, п. «а», Код. зак. о труде, так как по удостоверению РКК от 18 сентября 1924 года вместо уволенных губкоммунотделом были приняты новые сотрудники и, таким образом, фактически никакого сокращения не было; 2) что мотивы увольнения по сокращению штатов в действительности были междуведомственной комиссией указаны в протоколе по предложению представи-

теля ГСПС вместо мотивов по чистке, дабы не лишать уволенных возможности поступить на другую службу; 3) что увольнение истцов по чистке аппарата должно было быть санкционировано расценочно-конфликтной комиссией губкоммунотдела, т. к. расторжение трудового договора по непригодности в силу 1-го примечания к ст. 47 Код. зак. о труде составляет исключительное право РКК; 4) что при отсутствии этой санкции первоначальное постановление комиссии по пересмотру личного состава (л. д. 46) не могло воспринять обязательной силы, а потому расторжение договора с истцами представляется противоречащим

закону; 5) что при таких условиях при срочности договора истцы, уволенные до истечения срока действия договора от 1 декабря 1923 года, имеют право на получение зарплаты со всеми видами компенсаций, предусмотренных озаглавленным договором,—на основании изложенного ГКК определяет: решение особой сессии парсуда г. Пензы по трудовым делам от 10 февраля и определение Пензенского губсуда от 9 марта 1925 года отменить и дело передать на новое рассмотрение через губсуд в тот же суд в другом составе.

(Определение по делу № 33.934—25 е.)

Определения угол. касс. коллегии.

По кассжалобе гр. Травинского, И. И., на приговор выездной сессии Тульского губсуда, осужденного по ст.ст. 69 ч. 1, и 73, ч. 1, УК.

Приговором выездной сессии Тульского губернского суда от 28 ноября 1925 года гр-н Травинский, Иван Иванович, 60 лет из мещан, беспартийный, ранее не судившийся, признан виновным: 1) в том, что, имея собственную водяную мельницу, сукновальню и толчею при деревне Нижне-Гольской Волынского района, с начала революции до сентября 1925 года (по день ареста) вел среди с'езжавшихся к нему крестьян контр-революционную агитацию, убеждая их отказаться от уплаты единого сельхозналога, так как власть, устанавливающая этот налог,—не власть, а кучка хулиганов, и 2) в том, что после убийства тов. Воровского, явившись к крестьянам, производившим общественные работы по ремонту колодца, прочитав газету, сказал: «вот как за-границей расправляются с советскими хулиганами» и что скоро с ними так же расправятся и у нас, в России, а также в распространении среди крестьян слухов о скором падении советской власти (о чем ему якобы известно от брата, бывшего белогвардейского офицера, проживающего в настоящее время за-границей), и, наконец, в агитации среди допризывников с целью убедить их отказаться от военного обучения и организоваться для свержения Сов. власти.

Деяния Травинского квалифицированы по ст.ст. 69, ч. 1, и 73, ч. 1, УК.

Признав, с одной стороны, что «в данный момент обвиняемый не является особо социально-опасным для советской власти, вообще, когда все сознательное крестьянство в достаточной степени убедились в прочности Советской власти», по считая в то же время, что такого рода агитация «в самой гуще крестьянского населения», направляя по определенному руслу настроения недовольных групп в связи с отсталостью и некультурностью масс, может создать неблагоприятные условия для работы советского аппарата в данной местности, выездная сессия приговорила Травинского по совокупности совершенных преступлений к лишению свободы на 3 года со строгой изоляцией, с конфискацией, на основании ст. 50 УК, мельницы с двумя амбарами, сукновальни и толчеи и с лишением его в порядке ст. 49 УК права пребывания в центральных губ. по отбытии наказания сроком на 3 года.

В поданной на приведенный приговор кассационной жалобе осужденный Травинский ходатайствовал об отмене приговора и о передаче дела на новое рассмотрение по следующим основаниям.

1. Несмотря на то, что выводы обвинительного заключения по делу основаны исключительно на показаниях лиц, находящихся с осужденным во враждебных отношениях, суд отказал в ходатайстве Травинского о вызове ряда беспристрастных свидетелей, могущих охарактеризовать

его личность, чем нарушены ст.ст. 113 и 253 УПК.

2. Ни одно из приписываемых Травинскому деяний (исключая агитацию среди допризывников), независимо от их доказанности или недоказанности, не содержит признаков 1 ч. ст. 69 УК; что же касается обвинения в агитации среди допризывников, то таковое не было предъявлено ему по обвинительному заключению, а потому в силу ст. 311 УПК и не могло найти отражения в приговоре, и

3. суд, не признав Травинского особо социально опасным, тем не менее назначил ему чрезмерно суровое наказание, непосильное физически, морально и материально для больного шестидесятилетнего старика.

Уголовная касс. коллегия, рассмотрев дело в заседании от 16 января 1926 года как по доводам кассационной жалобы, так и в порядке ревизионном и установив крайнюю недостаточность и неполноту как предварительного, так и суд. следствия, вынесла следующее определение.

«Принимая во внимание: 1) что предварительное следствие по делу было проведено не в полном объеме, а лишь в пределах требований ст. 109 УПК, хотя имеющийся материал дознания страдал неясностью и односторонностью; 2) что по делу были собраны исключительно данные, уличающие обвиняемого, чем нарушены ст. 111—113 УПК; 3) что на судебном заседании суд отказал подсудимому в вызове ряда свидетелей, долженствовавших опровергнуть взводимое на Травинского обвинение и дать оценку его личности, мотивируя свой отказ, во-первых, несвоевременностью возбуждения ходатайства, хотя ст.ст. 273 и 273 УПК не ограничивают подсудимого никакими сроками при возбуждении ходатайства, а во-вторых, что оценку личности подсудимого могут дать уже вызванные свидетели, хотя вызванные свидетели являлись как раз лицами, возбуждавшими уголовное дело в отношении Травинского; 4) что суд совершенно не обследовал имеющихся в деле заявлений нескольких десятков граждан, в своих заявлениях указывающих на ложность оговора Травинского на почве желания заарендовать принадлежащую ему мельницу, и не допросил ни одного из этих граждан; 5) что по делу не выяснено взаимоотношений Травинского с оговорившими его лицами и не обследовано, какое значение имела в этих взаимоотношениях мельница Травинского; 6) что такая недоследовательность дела в основании колеблет правильность судебного приговора, а посему на основании ст. 413, п.п. 1 и 2, УПК приговор полностью отменить и дело обратиться в тот же суд ко вторичному рассмотрению в ином составе, возобновив производство со стадии предварительного следствия.

Принимая во внимание возраст подсудимого (60 лет) и установленное судебно-медицинской экспертизой его болезненное состояние, меру пресечения ему изменить на подписку о невыезде.

(Определение по делу № 216327).

Х Р О Н И К А.

Порядок избрания правлений акционерных обществ.

НКВнуторг разъяснил, что упоминание в ст. 349 Гр. Код. о том, что обыкновенные общие собрания акционеров, созываемые, между прочим, и для избрания директоров (членов правления), не имеют того смысла, что директора могут избираться лишь на обыкновенных общих собраниях акционеров. Это прямо видно из сопоставления названной ст. 349 со ст. 354 Гр. Код., согласно коей члены правления избираются общим собранием, при чем ст. 354, говоря вообще об общих собраниях, не делает никакого различия между обыкновенными и чрезвычайными общими собраниями, откуда вытекает, что члены правления могут быть избраны как на обыкновенном общем собрании, так и на чрезвычайном.

Этот вывод находит свое подтверждение и в том сообщении, что члены правления могут выбыть из состава правления не только в виду истечения срока их полномочий, но и в промежутке между двумя обыкновенными общими собраниями, вследствие долговременной болезни, отказа, смерти, отозвания и смещения (которое опять-таки производится в силу ст. 354 Гр. Код. любым общим собранием). Во всех этих случаях состав правления может быть пополнен путем выборов, при чем из закона нигде не видно, что довыборы должны быть отложены до наступления срока созыва обыкновенного общего собрания, а в некоторых случаях, когда вследствие досрочного выбытия число членов правления не достигнет установленного уставом минимума, акц. о-во даже и не вправе откладывать довыборы до обыкновенного общего собрания, а обязано для этой цели созвать чрезвычайное общее собрание.

На основании изложенного надлежит признать, что законно созданное чрезвычайное общее собрание вправе производить выборы членов правления при условии, конечно, включения этого вопроса в повестку названного общего собрания.

Ответственность за неправильное ведение торговых книг.

НКФин РСФСР сообщил местным финорганам, что соблюдение правил относительно хранения торговых книг (как-то: уничтожение торговых книг ранее истечения трех лет со дня последней записи в них, незаявление в течение двух недель об утрате торговых книг, держание торговых книг непереплетенными, а страниц их непрономерованными, незарегистрирование торговых книг предприятиями, обязанными вести счетоводство по системе двойной бухгалтерии и проч.) карается по ст. 226 Уг. Код.

Отказ от предъявления торговых книг финансовому надзору, производящему поверку предприятия в отношении правильности уплаты гербового сбора или для установления величины оборотов, подпадает под действие той же ст. 226 Уг. Кодекса.

Неведение или неправильное ведение торговых книг, ведение их на мертвом, т.-е. вышедшем из употребления языке, или посредством шифра, с подчистками, вымарыванием или поправками, сделанными без корыстной цели, не по системе двойной бухгалтерии, торговыми предприятиями V разряда, без составления годового отчета и проч. составляют более серьезное нарушение, наказуемое по ст. 141 Уг. Кодекса.

Наконец, подделка торговых книг в корыстных целях преследуется по ст. 189 Уг. Кодекса.

Преимущество права жел. дор. перед привилегированными претензиями (ст. 101 Гр. Код.).

Бюро юрисконсультов транспорта рассмотрело вопрос о порядке взыскания госналогов из сумм, вырученных от продажи неостребованных грузов.

Была приведена справка о разъяснении Отдела Законод. Предл. и Кодиф. НКЮ от 28/VII—25 г., согласно этому разъяснению установленное ст. 68 Уст. ж. д. право жел. дор. является специальным правом, предоставленным законом железным дорогам и являющимся гарантией успешного выполнения ими возложенных на них задач. Сущность этого права заключается в том, что ценность груза, как такового вне зависимости от чего-либо права распоряжения им, является обеспечением кредита, оказываемого железной дорогой отправителю. Предоставить преимущественное удовлетворение перед долгом жел. дороге из договора перевозки привилегированным претензиям, перечисленным в ст. 101 Гр. Код.,—значит уничтожить принцип принудительного вступления в договор железнодорожной перевозки, т.-е. разрушить все железнодорожное хозяйство. Отсюда вытекает, что сумма, вырученная жел. дорогой от продажи неостребованного груза, обращается равнее всего и до удовлетворения каких бы то ни было претензий, в том числе и привилегированных, указанных в ст. 101 Гр. Код., на покрытие причитающихся жел. дороге по договору перевозки платежей.

В связи с этим бюро юрисконсультов признало, что в целях распространения действия разъяснения НКЮ РСФСР на всю территорию Союза и для уточнения закона представляется существенно необходимым изменение ст. 68 Уст. ж. д. путем добавления в тексте статьи после слов: «и взысканиями с него» слов: «не исключая и взысканий привилегированных», а в конце абзаца добавить: «за исключением случая, когда груз изъят из ведения дорог, как недовозомленный к перевозке».

О возбуждении соответствующего ходатайства постановлено просить НКПС.

Регистрация сделок комиссионеров с третьими лицами.

Совет съездов биржевой торговли высказался по вопросу о регистрации сделок Госбанка с третьими лицами.

Ст. 8 инструкции по регистрации сибиржевых сделок освобождает от регистрации на бирже комиссионные сделки, т.-е. договоры комиссии, заключаемые между комитентом и комиссионером. Это и понятно, ибо регистрация на бирже, преследуя цели учета товарооборота, заинтересована в охвате действительного оборота, связанного с перемещением товарных ценностей от одного лица к другому. Поскольку по договору комиссии право собственности на товар не переходит и вообще объектом этих отношений не является какой-либо товар, регистрации их на бирже не представляет для целей учета товарооборота интереса.

Иное дело сделки, совершаемые комиссионером во исполнение комиссионного договора. Это уже сделки совершенно реальная, на определенный товар; по ней приобретается право собственности. Именованная ее комиссионной можно лишь в одном смысле, а именно в том, что одна сторона выступает в этой сделке в качестве комиссионера, продает по свой собственный или доверенный ей товар, а, как принято выражаться, «комиссионный» или переданный ей «на комиссию». Именно эти сделки имеет в виду ст. 7 упомянутой инструкции, трактующая об обязательной регистра-

ции сделок «независимо» от порядка их заключения (сторонами непосредственно, через доверенных, комиссионеров и проч.).

Таким образом, надлежит различать сделки комиссионные, т.-е. договоры, заключенные между комиссионером и комитентом и, следовательно, не подлежащие регистрации, и, с другой стороны, сделки комиссионеров с третьими лицами, совершаемые в осуществление комиссионного договора. Эта последняя категория сделок за силой ст. 7 инструкции подлежит регистрации на общих основаниях.

Отсюда сделки Госбанка со своим комитентом (договоры комиссии) не подлежат регистрации на бирже, а сообщаются в порядке информации. Сделки же Госбанка с третьими лицами, совершаемые во исполнение комиссионного договора Госбанка с его комитентом, подлежат обязательной регистрации на бирже.

Протест инкассированных векселей.

Согласно циркуляра НКФ СССР № 98 от 5/XI—25 г. («В. Ф.» 25 г. № 11/93) отказ нотариальных контор в протесте инкассированных векселей лишь на том основании, что сделанные на этих векселях надписи банков, удостоверяющие корреспондентов банков на получение денег по векселям, не оплачены герб. сбором, неправомерен по следующим основаниям: 1) означенные надписи являются надписями не передаточными, и доверительными, так как корреспонденты банков при получении денег по инкассированным векселям действуют не в качестве самостоятельных юридических лиц—владельцев векселей, а в качестве доверенных банков, которым они обязаны передать как векселя, так и полученные по ним платежи; доверительные же надписи по № 97 подробного перечня свободны от гербового сбора; 2) неоплата герб. сбором надписей на векселях вообще не лишает подписи силы, предусмотренной положением о векселях, равно не лишает вексель вексельной силы, не может служить препятствием к свободному его обороту, а лишь влечет за собой наложение взыскания, что и разъяснено циркул. НКФ от 8 февраля 1924 г. за № 5425647.

Выдача векселей обществами взаимного кредита.

Общества взаимного кредита являются юридическими лицами, как таковые, согласно циркуляру НКФ СССР от 30 октября 1925 г. за № 83 («В. Ф.» 25 г. № 10/192) могут выдавать обязательства и, следовательно, векселя, поскольку выдача их вытекает из характера разрешенных о-вам операций. Операциями, которые могут сопровождаться выдачей соло-векселей, являются перезалог товаров и ценностей в других кредитных учреждениях, поскольку последние по правилам своим требуют выдачи обеспечительных соло-векселей, и покупка товаров в кредит за счет членов о-ва в том последнем случае векселей не вытекает из существа самой операции, как операция эта формулирована в п. 5 § 19 нормального устава о-в взаимного кредита, в виду чего выдача векселей в этом случае должна считаться противоречащей уставу.

Изменение устава о гербовом сборе.

Отдел финансовой политики ГЭУ ВСНХ внес в коллегию ГЭУ предложение о выделении специальной комиссии для разработки вопроса, связанного с изменением действующего устава о гербовом сборе.

Вопрос этот возбужден по инициативе съезда юристов государственной промышленности, отметившего необходимость: сокращения дифференциации ставок пропорционального гербового сбора с ныне применяемых семи ставок до двух; установление единого двухнедельного срока для оплаты всех видов документов, согласовав его с Гражд. Код.; согласования Гражд. Код. с общими понятиями, употребляемыми в уставе о гербовом сборе; замены единого 10-кратного штрафа за всякое нарушение устава, безотносительно к важности и злостности нарушения, а также к тому, пострадала ли от него казна или нет, штрафом дифференцированным. Отмечена также необходимость преобразования губернских по гербовому сбору комиссий в междуведомственные и создание второй инстанции, тоже междуведомственной, для рассмотрения жалоб на постановления губернских комиссий. Отдел финансовой политики поддерживает решение съезда юристов по этому вопросу.

Разъяснения по гербовому сбору.

НКФин дал следующие разъяснения по гербовому сбору:

По постановлению НКФ СССР от 7 января 1925 г. за № 22/04237446 пеня на гербовый сбор штраф не начисляется. Постановление это подлежит применению по всем делам о гербовых нарушениях, по которым до получения его на место постановления гфо еще не состоялось или состоялось, но еще не объявлено плательщикам, а также и тем постановлениям, взамен которых будут вынесены новые, недоимки, образовавшиеся до получения на месте постановления 7 января 1925 г., надлежит взыскать в порядке действовавшей ст. 46-й инструкции о применении гербового устава, при чем дальнейшее начисление пени на штраф прекращается со дня получения постановления (Раз. № 461803 1925 г.).

Ст. 37 инструкции к уставу о герб. сборе говорит, что должностные лица за нарушение правил об этом сборе подвергаются взысканию; какого-либо различия между взысканием за нарушения по документам пунктов «а» и «б» ст. 1 устава и взысканием за нарушение по п. «в» той же статьи инструкция не делает, считая взыскание вообще наказанием (штрафом), размер которого определяется суммой неуплаченного гербового сбора или неправильно поташенных денежных знаков. Эта квалификация взыскания, как штрафа, подтверждается и тем, что взыскание налагается на всех должностных лиц, виновных в нарушении, как на тех, которые первоначально приняли, выдали или совершили документ, так и на тех, к которым дефектный документ перешел для последующего исполнения, если только они не приняли мер к исправлению нарушений. С особой ясностью характер взыскания, как штрафа, выступает в тех случаях, когда за нарушения, кроме должностных лиц, отвечают и частные лица: последние платят не только десятикратный штраф, но и неуплаченный герб. сбор; следовательно, денежное взыскание с должностных лиц является не возмещением сбора, а наказанием (штрафом). Так как согласно новой редакции ст. 46 инструкции пеня на штраф не начисляется (пост. НКФ СССР от 7 января 1925 г. за № 22/04237455), то она не должна начисляться и на взыскания, налагаемые на должностных лиц, независимо от того, по каким документам наложено взыскание (Раз. НКФ № 042314796 1925 г.).

По союзным республикам.

В Грузинской ССР.

Юстиция в Юго-Осетии.

Органы охраны революционной законности в Юго-Осетии: главный суд в Цхинвали и три нарсуды—в Джавском и Ахалкарском районах и гор. Цхинвали. Судопроизводство ведется на родном языке, а делопроизводство на русском. По своему характеру преступления касаются, главным образом, незаконной порубки леса и мелких краж. Нередки дела о похищении женщин, и только 5 проц. всех дел падают на убийства, преимущественно на почве кровавой мести. Растрат в крае не зарегистрировано ни одного случая. За последнее время преступность заметно уменьшилась.

В периоды весны и лета 1925 года цхинвальский и джавский нарсуды почти непрерывно проводили сессии в районах, встречая большое сочувствие среди крестьянства. Во время работ выездных сессий нарсудов народными заседателями избирались исключительно местные крестьяне.

В цхинвальском арестном доме, в среднем, бывает до 40 человек заключенных, следственных и осужденных вместе. Горийский исправдом отказывается принимать осужденных, что, к сожалению, вынуждает содержать их для отбытия наказания в арестном доме.

Наличный состав милиции 96 человек, включая начальника милиции. В условиях гористой местности, бездорожья и отсутствия лошадей милиция с чрезвычайными трудностями справляется со своими многочисленными обязанностями, служа одновременно почтальоном и сборщиком налога, помимо своих прямых обязанностей.

В скором времени предполагается открытие специальных курсов для чинов милиции.

Весь настоящий состав милиции будет пропущен через эти курсы.

Места заключения в Грузии.

Управление местами заключения республики Грузии в 1924—25 году работало при очень тяжелых материальных условиях. Специальных средств на осуществление исправительно-трудового дела ему государством не было отпущено, деньги отпускались на довольствие заключенных, отопление, освещение и мелкие хозяйственные нужды. Несмотря на материальные затруднения, управлению удалось отремонтировать и оборудовать помещение для переходного исправительно-трудового дома. В то же время было отремонтировано и оборудовано при Тифлисском психо-неврологическом институте помещение на 15 коек для отделения судебно-психиатрической экспертизы. Эти койки предназначены для душевно-больных заключенных.

Были произведены ревизии мест заключения в Тифлисе, Кутаисе, Поти, Озургетах, Зугдиде, Сенаках, Зестафони, Гори и Душете. Ревизии обнаружили ряд дефектов.

Для подготовки штата работников по исправительно-трудовому делу были устроены двухмесячные курсы. Эти курсы были прослушаны всеми сотрудниками тифлиских мест заключения.

До 1-го октября 1924 года культурно-просветительная работа в местах заключения стояла на низкой ступени, а в уездах и совсем не велась. Для поднятия школьной и внешкольной работы при управлении местами заключения учрежден культурно-просветительный отдел. По

всем уездным местам заключения организованы культурно-просветительные ячейки. Через школы по ликвидации неграмотности за год было пропущено 3876 человек.

В Азербайджанской ССР.

Подготовка судебных работников.

Госплан АССР утверждена смета Наркомюста на содержание трехмесячных курсов по подготовке секретарей нарсудов и секретарей помощников прокуроров. 10-го декабря в Баку открылись 8-месячные юридические курсы, рассчитанные на 50 человек. Главный контингент слушателей составляют крестьяне из уездов. Для курсантов оборудовано общежитие в одном из помещений при здании окружного суда.

Обследование Ганджинского округа.

Специальной комиссией Наркомюста АССР обревизованы судебные учреждения Ганджинского судебного округа. Обнаружены некоторые незначительные дефекты в работе судов и камер народных следователей. Комиссией разработан ряд практических мероприятий к устранению замеченных ненормальностей.

Медленность судопроизводства в Баку.

Президиум Бакинского народного окружного суда недавно на специальном заседании обсуждал вопрос о темпе работы народных судов, у которых остаются нерассмотренными в течение месяцев сотни дел.

По восьми народным судам Баку и районов на 1-е ноября оставалось нерассмотренных дел: уголовных 2808 и гражданских 3516.

Президиум окружного суда, найдя, что работа народных судов протекает слабо, предложил им увеличить число судебных заседаний и усилить разбор как уголовных, так и гражданских дел.

Места заключения в Азербайджане.

В настоящее время в отделе мест заключения Наркомвнудела Азербайджана идет работа по установлению в местах заключения твердого правопорядка, предусмотренного соответствующими законоположениями о местах лишения свободы.

Кроме того, в АЗЦИК представлен проект изменения некоторых статей исправительно-трудового кодекса, касающихся состава центрально-распределительной комиссии и наблюдательных комиссий на местах.

На ряду с этим проводятся мероприятия по улучшению быта заключенных и условий труда сотрудников мест заключения.

В виду увеличения с 1-го октября кредита, отпускаемого на довольствие заключенным, питание заключенных улучшено.

ОМЗАК'ом возбуждено ходатайство перед Азсовпарком об отпуске средств на концентрацию всех мастерских—сапожной, коробочно-картонажной, швейной, столярной и слесарной—при Бакисправдоме. Мотивом ходатайства является то, что здесь содержатся срочно-заключенные, которые должны подвергаться исправлению через труд, в то время, как при Бакомпредзака (б. Шемахинская тюрьма), где до сих пор были мастерские, содержатся следственные заключенные, в отношении которых не приме-

няются методы исправления. Кроме того, проектируется организация типографии, переплетной и мыловаренного завода и открытие магазина по сбыту продукции производства мастерских исправдома. При расширении производственных предприятий исправтруддома получится возможность вовлечь в работу всех срочно-заключенных.

Учебно-воспитательная работа проводится по всем местам заключения Азербайджана. Главным образом, проводится школьная работа, которая сводится к ликвидации неграмотности заключенных, выражающейся в 50—60% общего числа заключенных. По соглашению ОМЗАР'а с Главполитпросветом последний снабжает уездные исправдома необходимыми учебными пособиями и письменными принадлежностями, а Бакполитпросвет—бакинские исправдома. При исправдомах издаются стенные газеты на тюркском, русском и армянском языках. Имеется свой товарищеский дисциплинарный суд и бюро юридической помощи заключенным.

Проводится работа по физкультуре.

Все 5 библиотек бакинского исправдома снабжаются передвижными библиотеками из коллектора БОНО.

Недавно посетивший исправдом пред. АзЦИК'а тов. Агамали-Оглы отпустил для нужд учебно-воспитательной части 500 рублей и несколько сот книг по литературе на новом тюркском алфавите.

В дальнейшем намечена организация детских колоний для малолетних преступников, которые в настоящее время,

пребывая в заключении вместе со взрослыми, трудно поддаются исправлению. Поэтому для создания соответствующих условий по их исправлению через труд и просвещение и намечены вышеуказанные колонии.

Кроме того, ведется подготовительная работа по организации комитета содействия освобожденным заключенным.

Возбуждено ходатайство перед Азсовнаркомом об отпуске средств на организацию переходно-исправительных домов с целью концентрации в них заключенных, подвергшихся исправлению, но подлежащих еще некоторому испытанию. Переходно-исправительные дома будут иметь свой особый режим, отличающий их от ныне существующих видов мест заключения, в смысле предоставления заключенным больших льгот и некоторой свободы.

Колония для малолетних правонарушителей.

Бакинским советом постановлено организовать колонию для малолетних правонарушителей.

Растраты в Баку.

В Бакинский окружный суд с 1 января по 1 октября поступило 206 дел по обвинению в растратах. По этим делам осуждено на различные сроки 88 человек. Оправдано 5 человек.

А. Журбенко.

г. Баку.

Н а м е с т а х.

ПО ОКРУЖНЫМ ПРОКУРАТУРАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(по материалам ревизии конца 1925 г.).

В ноябре и декабре 1925 г. заместителем Северо-Кавказского Краевого прокурора т. Кретовым и ст. пом. крайпрокурора т. Цейтлиным были произведены ревизии окружных прокуратур Чеченской, Карачаево-Черкесской автономных областей, Терского и Грозненского округов. Остановимся на наиболее существенных моментах, выявленных краевой ревизией.

Как, например, обстоит дело с проведением плановости в работе? Оказывается, что из 4 обревизованных прокуратур только в одной (Терской) работа велась по плану, да и то, как отмечает ревизия:

„в план работы за 3-й квартал, июль—сентябрь 1925 г., внесено чрезвычайно большое количество объектов предстоящих работ, кои должны быть предмет повседневной деятельности прокуратуры. Так, например, в план работы по общему надзору вносится пункт: «периодически осведомлять участковых помощников прокурора об узаконениях и распоряжениях правительства»... или „держат связь с нотариатами в целях осведомления засвидетельствований госорганами договоров“... и ряд других. Указанное свидетельствует, что прокуратура еще не смогла правильно подойти к выявлению объектов своей работы на предстоящие месяцы.

Выполнение указанного плана в среднем может считаться в % отношении—60—65%.

Несмотря на невыполнение плана за 3-й квартал, прокуратура за 4-й квартал свой план значительно расширяет и к тому же допускает внесение в план вопросов предстоящих работ не планового характера, чем еще более усложнен план текущего периода“.

Участие в заседаниях облисполкомов составляет для Терской прокуратуры—32%, Грозненской—

55%, Карачаево-Черкесской—45% и Чеченской—40,4%. В участках участие гораздо слабее и участковый пом. прокурора Чеченской авт. обл. за все время пребывания своего в Гудермесском округе ни одного раза не принял участия в заседаниях окрисполкома.

Предварительное согласование проектов обязательных постановлений установлено во всех обревизованных прокуратурах. Результаты предварительного согласования выразились:

Прокуратура.	Всего просмотрено проектов.	Внесено поправок.	Дано заключений об отклонении.
Терская. . . .	120	17	5
Карач.-Черкесская. . . .	40	14	7
Грозненская. .	38	—	7

На ряду с положительной работой по предупреждению и опротестованию незаконных постановлений, имеем ряд случаев пропуска незаконных постановлений местными прокуратурами.

Так, например, Карачаево-Черкесской облпрокуратурой не было опротестовано постановление (ноябрь с. г.) президиума облисполкома о прекращении возбужденного в дисциплинарном порядке дела, а также вторжение (в том же ноябре) облисполкома в область судебного (земельного) спора между Атажукиным и Баташевским аулом (облисполком «решил» дело в пользу первого и постановил переселить со спорной земли целиком весь Баташевский аул).

Терский облисполком 24 июня по ходатайству окрфинотдела постановляет выселить в административном порядке граждан (членов профсоюза) на том основании,

что дом, в котором проживают указанные граждане, арендуется окрфинотделом.

Кроме того, окружная арбитражная комиссия после прекращения дела краевой арбитражной комиссии, 27-го августа при участии представителя прокуратуры присвоила себе право разъяснения порядка исполнения поворота решения по делу, ей неподсудному.

Крайпрокуратура 22 октября предложила виновных привлечь к ответственности, однако, окрпрокуратура по этому поводу ничего не сделала.

Прокуратурой пропущено обязательное постановление по борьбе с скарлатиной, которым виновные карались не в пределах ст. 216 УК; постановление это отменено лишь по предложению крайпрокуратуры.

Чеченский облисполком 6 октября 1925 г. издал приказ № 6 о добровольной явке бандитов, за что, как указывалось в приказе, последние будут амнистированы во всех преступлениях, до издания сего приказа совершенных, а по истечении годичного испытательного срока, в отношении их будет возбуждено ходатайство перед ВЦИК РСФСР о восстановлении в гражданских правах. Все же неявились к установленному сроку объявить врагами народа, со всеми вытекающими последствиями. Приказ не опротестован.

Аналогичные явления ревизия констатирует и по Грозному.

Медленность рассмотрения протестов — общее всем обривизованным прокуратурам явление.

Все это доказывает, что не только не может быть разговоров об увлечении на местах чисто формальными соображениями при опротестовании незаконных постановлений, но и необходимая твердость линии в борьбе с незаконными еще далеко не достигнута.

Надзор за законностью и соблюдением классово-линии при наложении административных взысканий путем периодического ознакомления с соответствующими делами не производится.

Райсоветом Грозненского округа вынесено большое число постановлений о наложении штрафа в 30, 40 и 50 рублей за самовольные постройки в поселках на промыслах, несмотря на то, что эти застройки приняли массовый характер и нарушителями в большинстве случаев являются рабочие.

Главным недостатком в области разрешения жалоб (так же, как и движения дел по газетным заметкам) продолжает оставаться медленность.

Акт ревизии Терской прокуратуры констатирует, что «рассмотрение жалоб в большинстве носит длительный характер, и не редко имеют место случаи неразрешения их в течение года. Примеры: гражданин Д подает заявление 2/1 с. г. о возврате лошадей, отбитых у него бандитами, жалоба оставлена без движения.

8/1 с. г. гражданин Ф подает заявление о привлечении гражд. К к ответственности за покушение на убийство; прокуратура только 31/1 это заявление направила помощнику прокурора 2 уч. для расследования, — до сего времени нет сведений о результатах расследования.

Редация «Терек» 6/II с. г. прислала корреспонденцию о неправильном решении суда, о незаконных действиях судебного исполнителя. — Прокуратура препроводила пом. прокурора 2-го участка для расследования и о результатах сообщить. До настоящего времени о положении нет сведений.

Гражданин 23/II жалуется на неправильную муниципализацию его дома, заявление оставлено без движения.

В отношении Чеченской прокуратуры ревизия, кроме того, отмечает, что, «как общее правило, о результатах разрешения жалоб просители в известность не ставятся».

Распределение жалоб на действия органов власти со стороны содержащих их, согласно данных ревизий, таково:

	Чеченская.	Карачаево-Черк.	Грозненск.	Терская.
На злоупотребления превышающими власти, безхозяйственность	108	59	505	1043
По налоговым вопросам	43	39		95
По жилищным: муниципализация				
демуниципализация	3	15	Сведения отсутствуют	197
По земельным	21	26		30
По трудовым делам	21	33		131
Прочих	—	—		223
ВСЕГО	196	172	—	1543

Политработа более удовлетворительно проводилась прокуратурами Карачаево-Черкесской, Терского округа; если, например, взять выступления на собраниях, имеем такую таблицу:

Прокуратура.	Число ра- ботников.	Количество докладов.	На работ. собраниях.	На крест. собраниях.	На парт. и совет. собр.	Среднее чи- сло высту- плений на одного ра- ботника.
Карач.-Черкесск.	8	229	—	196	33	28,6
Терская	10	152	31	44	77	15,2
Грозненская . . .	4	25	6	6	13	6,25
Чеченская с I/I— I/VII—	2	52	1	34	17	7
То же с I/VII— 21/XI						Выступлений не было.

Недостаточность политработы в Грозном с его 25.000-ми пролетариев промыслов совершенно правильно, конечно, ревизией расценивается как крупнейший пробел.

Работа в деревне достаточно развернута лишь в Карачаево-Черкесской прокуратурой, которой за 11 месяцев 1925 года были обривизованы 5 окрисполкомов, 105 сельсоветов, 4 земкомиссии, 38 школ, 21 КРОВО, при чем ревизия подчеркивает глубокий в большинстве случаев характер произведенных обследований, хотя имеются и исключения, как, например, при обследовании школ Хураукского аула (неизвестно вообще для чего понадобились обследования 38 школ), пом. прокурора пишет, что «здание школы содержится с соблюдением санитарии, что учащихся состоит 118 человек, что закон божий в школе не преподается, школьный сад разгорожен и требуется срочно загородить». Между прочим, обследования отмечают положительную бездеятельность сельских КРОВО, которые «превратились в кассы сельсовета, занимаясь не помощью бедному населению, а приобретением для сельсоветов канцелярских принадлежностей».

В области дознания и следствия ревизия отмечает малый штат окружных милиций; ни в одном, например, селе или ауле Карачаево-Черкесской области нет милиционеров, а потому дознания направляются председателем или же граждане вызываются за 40—50 верст.

Далее идут обычные недостатки и болезни дознания и следствия, главным образом, медленность.

Из 1279 дознаний, бывших в производстве Чеченского угрозыска, за 10 месяцев направлено всего 548 дознаний: касаясь арестов, ревизия указывает на «колоссальную волокиту» и по утверждению арестов по Чеченской области: инспектор у себя в участке, составив постановление об аресте подозреваемого, такое же направляет в Грозный на утверждение начальника угрозыска, тогда как утверждение арестов должно быть произведено на месте нарядом или на следователем.

Что прокуратура Терского округа не всегда настойчиво добивалась исполнения сделанных ею предложений, ревизия доказывает следующим фактом: отношением от 3 марта 1925 года прокуратура за подписью пом. прокурора тов. Горенко, затребовала из Терской сессии в порядке ст. 427 УПК рассмотренное уголовное дело по обвинению гр. К. по ст.ст. 105 и 113 УК, Терская сессия отношением от 9 марта 1925 г. за № 3786 за подписью только секретаря ответила, что в высылке дела председателем сессии отказано, на что прокуратура абсолютно ничем не реагировала. По крайней мере, на означенном отношении нет никакой резолюции, а равно ревизии каких-либо на этот счет сведений представлено не было.

В Чеченской области продолжают функционировать патриархальные суды, хотя по всей видимости они уже в достаточной степени успели себя дискредитировать в глазах чеченского населения.

Не останавливаясь на ряде других выявленных ревизией моментов, заметим лишь, что ревизии произведены с достаточной полнотой, добыли много ценного материала для суждения о работе и состоянии окружных прокуратур.

Некоторыми недостатками ревизии являются невыделение в самостоятельный раздел работы в деревне, несколько излишнее загромождение таблицами, недостаточность сравнительных цифр.

Но все эти недочеты существенного значения не имеют и остается лишь пожелать, чтобы ревизия впредь не ограничивалась окружными центрами, по мере возможности, стараясь охватить хотя бы по

одной участковой прокуратуре, и сопровождалась выездами хотя бы в одну волость в каждом округе.

Как ли ограничен был срок ревизоров (особенно если сопоставить его с обилием подлежащих обследованию материалов), ревизия сумела не только достаточно глубоко проникнуть в работу прокуратур, но и выявить некоторые преступные явления, до ревизии остававшиеся без должного реагирования.

В одном случае ревизия возбуждает уголовное преследование против начальника и сотрудников угрозыска за систематические незаконные аресты (которые производились «по-домашнему»), при чем от ревизии пытались даже скрыть существование при угрозыске арестного помещения, находившегося в недопустимом антисанитарном и непригодном вообще состоянии.

В другом случае ревизия возбуждает уголовное преследование против зав. местхоза, посчитавшего себя обязанным выполнить неоднократные предложения и ВЦИК и других высших органов по вопросу о демунципализации.

В третьем случае ревизия выявляет и ликвидирует содержание в одной камере со здоровыми сифилитиков.

Было несколько случаев и освобождения ревизией незаконно содержавшихся.

Нам думается, что такие прокурорские ревизии являются не только косвенным (поскольку они укрепляют местный прокурорский надзор), но и непосредственно одним из полезных методов укрепления на местах революционной законности.

Н. Лаговнер.

БИБЛИОГРАФИЯ.

«Гражданский Кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами. Составлен и отредактирован коллективом работниками Народного Комиссариата Юстиции и Верховного Суда РСФСР: А. Бродягиним А. Ганиным, С. Зайцевым, В. Изволенским и В. Лебедевым, под общей редакцией С. Александровского, с предисловием Я. Бранденбургского. Юридическое Издательство НКЮ РСФСР, Москва. 1925 г. 1200 ст. Цена 7 руб. 75 коп.

При составлении «Гражданского Кодекса с постатейно-систематизированными материалами» составители руководились следующими задачами: с одной стороны, удовлетворить все возрастающую потребность в объединении и систематизации законодательных и ведомственных распоряжений, с другой стороны, — дать судработникам возможность охватить и усвоить существующую судебную практику по гражданским делам Верховного Суда и Высшей Арбитражной Комиссии. Для осуществления этой задачи составителями собран громадный материал, состоящий из постановлений законодательных органов СССР и РСФСР, циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР, а отчасти ведомственных актов других ведомств, определений пленума и гражданской кассационной Верховного Суда РСФСР, решений ВАК. Авторы не ставили перед собой неосуществимой задачи собрать весь материал, дополняющий или разъясняющий нормы Г. К., а имели целью преимущественно собрать то, что наиболее важно для судебного работника. Лишь в общей части гражданско-материального права составители старались дать, как сообщают они в предисловии от составителей, материал, по возможности исчерпывающий. Собранный ими материал они расположили под теми статьями Гр. Кодекса, с которыми находили у него наибольшую связь.

Едва ли можно сомневаться в том, что осуществление той задачи, которую поставили перед собой авторы, вполне оправдывается достаточно назревшей в том практической потребностью. За 3 года со времени введения в действие Гр. Кодекса накопилось очень много разнообразного и разбросанного в различных источниках материала, имеющего значение для правильного разрешения споров, возникающих на почве отношений, регулируемых Гражданским Кодексом. Иметь все эти материалы сведенными к одному месту означает для практического работника, а отчасти и для учащегося, значительное облегчение в ориентировке. Совершенно прав тов. Бранденбургский, когда он говорит в своем предисловии, что «потребность в подобной систематизации безусловно велика, и первая книга в этом направлении выходит в свет скорее слишком поздно, чем слишком рано».

Со своей задачей авторы справились удовлетворительно. Конечно, первый опыт такого обширного издания не может не иметь некоторых изъянов.

В таком деле едва ли можно обойтись без пропусков. Ряд пропусков (в большинстве случаев маловажных) имеется и в рецензируемом сборнике. Если начать с вводного закона к ГК, то в постатейных материалах к ст. 9 мы не находим декретов ВЦИК и СНК, устанавливающих изъятие для автономных республик, хотя находим декреты о ДВО. В общей части страдают пробелами преимущественно статьи об юридических лицах. К 13 ст. приложено извлечение из устава Центрального Издательства Народов Союза ССР; если помещать это извлечение, то надо было бы сделать то же с положением о Госиздате, имеющем большое значение. Но такого извлечения не помещено. В примечании к ст. 14 помещено извлечение из декрета о потребкоопера-

ции. Следовало бы рядом с ним сделать ссылку на то, где напечатаны нормальные уставы кооперации РСФСР. О порядке утверждения товариществ ответственного труда помещено к той же статье извлечение из декрета СНК от 25 ноября 1921 г. Помещено оно, надо думать, в связи с тем, что авторы хотят дать, как они объясняют в предисловии, также и те материалы, которые полезны для разрешения дел в порядке ст. 3 вводного закона к ГК; по следовало, наряду с этим старым декретом поместить и новый, устанавливающий иной порядок утверждения; поскольку к той же 14 ст. приложены извлечения из декретов о порядке регистрации других видов кооперации, следовало бы, думается нам, сделать тоже и относительно кооперации жилищной (эти декреты помещены, впрочем, в другом месте сборника). Подобные замечания мы могли бы сделать и относительно некоторых других мест книги.

Можно было бы выразить два общих пожелания следующего рода, выполнение которых не отвяло бы в такой книге много места, но, несомненно, увеличило бы ее ценность. Был бы полезен, если бы под статьями Гр. Кодекса, имеющими более общее значение и прямо предусматривающими конкретизацию в других статьях, приводился бы перечень этих последних. Так, например, под ст. 115, где говорится, что солидарная ответственность наступает, если она предусмотрена договором или установлена законом, полезно было бы привести перечень соответствующих статей ГК. Очень способствовало бы распространению книги за пределами РСФСР, если бы под соответствующими статьями ГК РСФСР указывались некоторые отличия, имеющиеся в других советских республиках.

Слабее других частей книги приложенный к ней указатель литературы. Обращает на себя внимание совершенно случайный характер подбора указываемых рецензий. Многие книги помещены не под теми рубриками, где им следовало бы быть. Так, например, в главе «Общая литература по гражданскому праву РСФСР» помещены: Берман—«Экономика и гражданское право», Таль—«Понятие и сущность хозяйственного права», Гейхбарг «Очерк преобразования земельного и гражданского права в буржуазных государствах» в то время как эти работы советского права не касаются. Есть и другие, более досадные, случайные ошибки; например, под заголовком «Перевозка» мы находим: Кярзнер «Об авторском праве». Имеется в указателе подзаголовок «Торговый Кодекс», между тем, такого Кодекса у нас нет и, по мнению Наркомюста РСФСР, и быть не должно. Есть и пропуски. В литературе о товарном знаке указаны газетные статьи, но не указана книга Шахазарова. В авторском праве указана вновь появившаяся книжка Пикозаева, но не указана более старая. К ст. 55 не указаны ни статья, ни книга Шретера («Система промышленного права»). Не упомянуто о ней и под ст. 19. Несмотря на ряд упущений, мы думаем, что и указатель литературы будет полезен читателю.

В общем и целом, сборник будет для судработника ценным пособием.

С. Раевич.

Проф. Е. А. Коровин. *Международные договоры и акты нового времени*. Госиздат. Москва—Ленинград, стр. 395. Ц. 2 руб. 75 коп.

Настоящее издание представляет собой сборник важнейших международно-правовых актов (приводимых целиком или в извлечениях) начиная с Венского конгресса 1815 г. и кончая Советско-Итальянским торговым договором 7 февраля 1924 г. (эпоха трех конгрессов, мировая война 1914—1918 г.г. и ее результаты, международные

конференции послевоенного периода, международные договоры новейшего времени, законы и обычаи войны). На ряду с этим приводятся и российские государственные акты международно-правового значения, начиная с декретов 1918 г. об аннулировании государственных займов и упразднении рангов дипломатических представителей и кончая актами 1923 г. о допущении иностранных фирм к производству торговых операций в РСФСР и т. п. Составным частям сборника, а также отдельным, имеющим наиболее значение актам, предпосланы вводные замечания Е. А. Коровина, излагающие историю составления тех или других актов и их общую оценку; эти вводные замечания в значительной степени облегчают усвоение содержания сборника.

Проф. Коровин ставит своему труду следующие задачи:

1) ознакомить широкие слои читателей с важнейшими памятниками новой и новейшей истории международных отношений, 2) служить вспомогательным справочником для лиц, практически работающих в области внешних сношений, 3) быть учебным пособием для слушателей высших учебных заведений при изучении соответствующих правовых, исторических и экономических курсов (стр. 7—8). Необходимо признать, что первой и третьей из этих целей сборник может служить с большой пользой. Наоборот, для практической работы сборник имеет меньшее значение, так как ряд помещенных в нем актов уже не имеет для нас актуального значения, а современные международные акты практические работники должны иметь, конечно, не в выдержках или пересказе, а в полном тексте.

Само собой разумеется, что к сборнику, представляющему из себя небольшое по объему собрание важнейших актов, нельзя предъявлять требований о полноте. Но тем не менее думается, что работа Е. А. Коровина выиграла бы еще более, если бы она была в некоторых отношениях дополнена (хотя бы за счет сокращения некоторых частей). Напр., ограниченный, видимо, размерами издания, автор не включил договоров РСФСР с лимитрофами, которые безусловно представляют значительный интерес. Жаль также, что автор не привел полного текста инструкции консулам 1921 г., тем более, что текст этот не был своевременно опубликован в доступных для широкой читающей массы изданиях. На ряду с выдержками из конституции РСФСР о правах иностранцев следовало бы привести и соответствующие статьи из вводного закона к Гражданскому Кодексу, касающиеся имущественной правоспособности иностранцев. Вместе с постановлением ВЦИК 1923 г. о допущении иностранных фирм в РСФСР («Собр. Узак.» 1923 г., ст. 464), а также указать на основной декрет о концессиях 1920 г.

Несмотря на некоторые дефекты, неизбежные при составлении впервые у нас такого сборника, следует признать, что новый труд проф. Коровина содержит много интересного материала, отыскать который трудно для рядового читателя (напр., материалы по Генуе—Гааге, Вашингтону, Барселонским соглашениям) и который приведен в стройную систему с пропуском всего лишнего, и снабжен ценными пояснениями автора. Поэтому книгу эту следует рекомендовать в качестве полезного пособия всем лицам, интересующимся вопросами международного права, и студентам наших ВУЗ'ов.

Следует пожелать также, чтобы в недалеком будущем было издано продолжение сборника, так как жизнь идет быстро и уже имеется ряд крупных новых актов, требующих включения в сборник (напр., некоторые акты и проекты Лиги Наций, Локарнские договоры, Советско-Германский торговый договор и т. п.).

Ив. Перетерский.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

== СО Д Е Р Ж А Н И Е ==

Циркуляры НКЮ: №№ 13, 14, 15, 16.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр НКЮ № 13.
НКТ РСФСР № 12/1500.

Всем губ. и обл. прокурорам, наркомтрудам авт. республик, уполномоченным НКТ, край, обл. и губотделам труда.

Об усилении борьбы с несчастными случаями с рабочими на производстве.

В виду наблюдающегося большого числа несчастных случаев с производственными рабочими, а также в виду наблюдающихся случаев невыполнения предпринимателями требований инспекции труда по технике безопасности, НКЮ и НКТ РСФСР считают необходимым усилить борьбу с этими явлениями. Помимо мер, принимаемых в этом отношении НКТ по линии подведомственных ему органов, НКЮ и НКТ РСФСР предлагают следующее:

1. Во всех случаях невыполнения предпринимателями или ответственными руководителями работ определенных требований инспекции труда по технике безопасности органы прокурорского надзора обязаны возбуждать уголовное преследование по признакам преступления, предусмотренного ст. 132 Угол. Кодекса РСФСР, как за нарушение ст. 139 и п. «г» ст. 148 Кодекса законов о труде.

2. Органы прокурорского надзора должны принять более активное участие совместно с инспекторами труда в обследовании состояния промышленных предприятий, имеющих особо важное значение, не нарушая, однако, при этом плановой работы инспекции труда.

3. Обязать инспекцию труда о всех несчастных случаях со смертельным исходом или тяжким увечьем доносить пом. прокурора по трудовым делам, а где таковых нет — участковому или районному пом. прокурора.

4. Допизания по делам о тяжелых и смертельных несчастных случаях производятся инспекцией труда в но всякой очереди, и материал дознания независимо от причин, повлекших несчастный случай, немедленно направляется народному следователю в порядке п. 3 ст. 105 У.П.К.

5. При всех несчастных случаях со смертельным исходом или тяжким увечьем производство предварительного следствия (по окончании дознания) обязательно, причем пом. прокурора в этих случаях по возможности лично выезжает на место происшествия для ознакомления с обстановкой и условиями, в которых произошел несчастный случай.

6. При производстве дознания и предварительного следствия по делам о несчастных случаях должны быть всесторонне и точно выяснены причины несчастного случая.

7. В тех случаях, когда будут установлены умышленные или неосторожные действия со стороны наемщиков или ответственных руководителей работ, органы прокурорского надзора должны настаивать на возбуждении уголов-

ного обвинения по признакам преступления, предусмотренного ст. 156 Уг. Код. РСФСР.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Старший Помощник Прокурора Республики Крыленко.

Народный Комиссар Труда РСФСР Бахутов.

Прокурор по трудовым делам при Верховном Суде
Стопани.

15 января 1926 г.

Циркуляр № 14.

Всем губернским и областным прокурорам

Копия: ПРОКУРОРАМ АВТ. РЕСПУБЛИК.

Об опротестовании прокуратурой в кассационном порядке приговоров губ. и обл. судов.

Из проходящих через уголовную кассационную коллегию Верховного Суда РСФСР кассационных уголовных дел усматривается, что число кассационных протестов прокуроров, подаваемых на приговоры губернских (областных) судов, постепенно снижается и в ноябре 1925 г. достигло ничтожной цифры 9 по всем уголовным делам губ. (обл.) судов РСФСР. Таким образом, количество опротестованных в кассационном порядке дел составляет около 0,25% всех рассмотренных губ. (обл.) судами дел за месяц, тогда как число обжалованных в кассационном порядке дел за тот же месяц достигает 30%.

Столь незначительное количество кассационных прокурорских протестов отнюдь не может быть объяснено отсутствием в рассматриваемых судами уголовных делах поводов для опротестования.

Из общего количества рассмотренных в уголовной кассационной коллегии дел за ноябрь 1925 года 1427 отменено было 218 приговоров, т.е. 15%, а в 142 приговора (т.е. в 9%) были внесены различные изменения без их отмены.

Из общего же числа рассмотренных дел 5% приговоров был отменено с прекращением дел за отсутствием в действительных осужденных состава преступления. По большинству дел, приговоры по которым были отменены, и безусловно по всем делам, приговоры по которым были отменены с прекращением дел по п. 5 ст. 4 УПК, необходимость принесения прокурорского протеста диктовалась существенно по допущенным судом при постановлении приговора нарушениям, однако, таких протестов принесено не было. Таким образом, по ряду дел усматривалась необходимость опротестования приговоров по основаниям чисто публичного интереса, т.е. независимо или против интересов подсудимых (неправильное применение ст.ст. 28 и 36 УК, необоснованное оправдание и т. д.), однако, и по этим делам не было принесено протестов.

Что касается до протестов, которые хотя и в незначительном количестве были принесены прокурорами, то таковые в большей своей части были уголовно-кассационной коллегией Верховсуда РСФСР оставлены без последствий, т. е. приговоры опротестовывались по поводу незначительных, несущественных нарушений или нарушений чисто формальных, не повлиявших на правильность разрешения дела, или же, наконец, непосредственно касались неподлежащей кассационному рассмотрению оценки судебных доказательств по существу.

Приведенные выше цифровые данные об отмененных или измененных приговорах дают основания предполагать, что в ряде дел, приговоры по коим не были обжалованы, также имеются нарушения, которые, в виду отсутствия протеста, не могли быть исправлены в результате кассационного рассмотрения дела.

На основании изложенного, усматривая крайнюю слабость деятельности прокуратуры на местах в отношении опротестования в кассационном порядке приговоров губ. (обл.) судов,—

предлагаю:

1. Усилить надзор за выносимыми губ. (обл.) судами приговорами, для чего установить ознакомление со всеми выносимыми губ. (обл.) судами приговорами в течение срока на опротестование.

2. Во всех случаях, когда при постановлении приговора судом допущены существенные нарушения (ст. 413 и след. УПК), таковые приговоры немедленно опротестовывать.

Ст. Помощник Прокурора Республики Крыленко.

20 января 1926 г.

Циркуляр № 15.

Областным и краевым прокурорам.

С предоставлением окружным прокурорам права при согласии на то областных и краевых прокуроров, непосредственного принесения протестов по законченным гражданским делам в порядке 254 ст. ГПК.

В целях упрощения и ускорения производства по принесению протестов по законченным гражданским делам и порядке надзора предоставляю краевым и областным прокурорам право в зависимости от местных условий давать окружным прокурорам и их заместителям разрешение, в виде исключения из общего, установленного ст. 254 ГПК порядка направления протестов через областную и краевую прокуратуру, на непосредственное принесение таковых, обязав окружных прокуроров при направлении своих протестов в порядке 6 п. циркуляра НКЮ № 259 от 31 декабря 1925 года кений их сообщать краевым и областным прокурорам по принадлежности.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Помощник Прокурора Республики Крыленко.

20 января 1926 г.

НКЮ № 16.
Циркуляр НКТ № 23/29.

Всем губ. и обл. судам и прокурорам.

О надписях о времени сдачи на почту почтовых отправок, сдаваемых через почтовых агентов и сельских писемоносцев.

В целях расширения почтовой сети, которая должна по возможности шире и глубже обслуживать сельское население, Народный Комиссариат Почт и Телеграфов учредил институт почтовых агентов и сельских писемоносцев, на которых возлагается производство почтовых операций всякого рода.

Заказные отправления, переводы, посылки и пр. принимаются означенными агентствами под особые квитанции; паложение же календарных штемпелей на эти отправления производится узловыми почтовыми пунктами, куда почтовые агентства направляют поступающие к ним почтовые отправления.

В виду того, что моментом сдачи на почту того или иного отправления надлежит считать время сдачи этого отправления почтовому агентству (почтовому агенту, или сельскому писемоносцу), а не время поступления этого отправления в узловую почтовую пункт, НКП и Т по соглашению с НКЮ устанавливается следующий порядок отметки времени поступления на почту этих отправок.

Почтовый агент или сельский писемоносец, принимая указанные почтовые отправления в адрес органов юстиции, делает от руки (чернилами или химическим карандашом) надпись следующего содержания: день, месяц и год приема отправления, № квитанции, под которую принято отправление, наименование должности и подпись принявшего отправление (напр., «30/XI—1925 г. квит. № 1234, агент Петров», или «10/XII—1925 г. кв. № 6578, сель. пис. С. Федоров»). Надписи эти делаются на письмах в нижнем углу правой адресной стороны, на бланках переводов и посылок—в нижней части отрезного купона. Контроль за правильностью проставления на отправлениях времени подачи возлагается на почтовые узловые пункты. Действительным временем сдачи таких отправок на почту должно считаться не время, указанное в календарном штемпеле, паложенном в почтовом пункте, а время, указанное в надписи, сделанной почтовым агентом или сельским писемоносцем.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики Мурский.

Уполномоченный Нар. Ком. Почт. и Телеграфов при Правительстве РСФСР Любимич.

12 января 1926 г.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор { Н. Крыленко.
Редакционная Коллегия { Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.